

ГЛАВА V

КРАХ «ВЕЛИКОГО НАМЕРЕНИЯ»

Бываемые перемены в государствах всегда
суть соединены с правами и умоначертани-
ем народным.

М. М. Щербатов

От «олигархии» — к «конституции»

События января-февраля 1730 г. приобрели особое значение в российской истории. В течение пяти недель утвержденная Петром I императорская власть была существенным образом ограничена, и эти ограничения при ином «сцеплении» политических сил могли бы стать немаловажным фактором дальнейшей истории. Неудивительно, что и в науке оценки этой попытки оказывались полярными: от осуждения «олигархического переворота» до признания его прогрессивным конституционным движением.

Одна из самых интересных страниц российского XVIII в. по понятным причинам долгое время была неуместной темой для публичного обсуждения. Однако уже в относительно либеральные времена Екатерины II известия о «затейке» членов Верховного Тайного совета стали появляться в печати. О составлении ими «договорной грамоты» сообщал учебник профессора Христиана Безака.¹ Коллежский асессор Тимофей Мальгин в своем пособии писал о «незаконном избрании» императрицы Анны с ограничивавшими ее власть обязательствами и восстановлении «полного самодержавства».² О прекращении по просьбам дворянства «вредного и бедственного многоначалия» сообщал И. Н. Болтин. В его споре с французом Леклерком вырисовывается четкая схема: коварные вельможи «вымыслили» Верховный Тайный совет, незаконно избрали Анну Иоанновну (тогда как права на престол принадлежали Елизавете Петровне) и ограничили ее власть ради собственных «властолюбия, сребролюбия и неумеренной злобы». Но замыслы «верховников» рухнули по воле дворян, и Анна была «всею нациею признана самодержицею», что, таким образом, легитимизировало ее незаконное избрание.³

Такая сложившаяся к концу века оценка стала господствующей — не случайно «Примечания» Болтина воспроизводились в других историчес-

ких сочинениях.⁴ Однозначно воспринимала события 1730 г. и сама Екатерина: «Безрассудное намерение Долгоруких при восшествии на престол императрицы Анны неминуемо повлекло бы за собой ослабление и — следственно, и распад государства; но к счастью намерение это было разрушено здравым смыслом большинства».⁵

В начале XIX в. впервые сведения о событиях 1730 г. появились в сочинениях, рассчитанных на «возбуждения младай души» массового читателя, как пример патриотического поведения «сельских дворян», выступивших против вельмож и вручивших Анне Иоанновне самодержавную власть ради «любезной ее простоты».⁶ Впервые были опубликованы и сами «кондиции».⁷ Однако учебники и научные сочинения новых времен закрепили официальный штамп: несколько представителей знатных фамилий с помощью «несообразного» акта стремились заменить самодержавие «аристократией», но «народ российской» не мог равнодушно вынести ограничения власти монарха, и сплоченное выступление дворянства привело узурпаторов к провалу.⁸

О широком распространении такой оценки свидетельствуют и написанные в начале 20-х гг. XIX столетия заметки «О русской истории XVIII века» А. С. Пушкина. По его мнению, уничтожение планов «верховников» «спасло нас от чудовищного феодализма», поскольку их замыслы «вовсе уничтожили способы освобождения людей крепостного состояния, ограничили б число дворян и заградили путь к достижению должностей и почестей государственных».⁹ Правда, Пушкин видел главную опасность не столько в ограничении самодержавия, сколько в создании замкнутой правящей касты и ликвидации сильной власти, способной награждать по заслугам и вмешиваться в отношения помещиков и крестьян.

Однако параллельно в общественной мысли формировалась и иная тенденция. Ее родоначальником стал князь М. М. Щербатов, указавший в своем памфлете «О повреждении нравов в России», что члены Верховного Тайного совета «предопределили великое намерение, ежели бы самолюбие и честолюбие оное не помрачило, то есть, учинить основательные законы государству, и власть государеву Сенатом или парламентом ограничить». Князь даже полагал, что Анна была коронована именно в качестве государыни, «подчиненной неким установлениям».¹⁰

Эта традиция была продолжена декабристами. Н. М. Муравьев и М. С. Лунин провели историческую ретроспективу от 1825 г. к крестцеловальной записи царя Василия Шуйского 1606 г. через события 1730 г. Последние они считали реальным шансом изменить форму правления в России, и только «измена некоторых сановников и зависть мелких дворян опровергли это смелое предприятие». Другой ссыльный декабрист — М. А. Фонвизин — был убежден в сочувствии «верховникам» многих дворян и в том, что они подавали царице челобитную не о восстановлении самодержавия, а «о лучшем образе правления».¹¹

Первым научным исследованием событий 1730 г. стал соответствующий раздел в «Истории России» С. М. Соловьева. Историк впервые собрал и осмыслил основной комплекс материалов (публицистические сочинения, донесения иностранных послов) и познакомил читателей с

выдержками из подлинных документов Верховного Тайного совета и дворянских проектов. Соловьев указал, что у «верховников» «было не без приверженцев», поддерживавших идею ограничения императорской власти. В его «Истории» нашли отражение споры и сомнения дворян по поводу нового политического устройства и уступки шляхетству, сделанные со стороны Совета (расширение состава с 7 до 12 человек, выборность членов Сената и коллегий, освобождение дворян от службы в солдатах и матросах и т.д.).

Впервые было доказано, что явившиеся к Анне дворяне подали ей прошение не о восстановлении самодержавия, а «о пересмотре всех проектов и установлении с общего согласия новой правительственной формы»; только после вмешательства гвардии появилась вторая челобитная о «принятии самодержавства». Соловьев даже как будто с сожалением перечислял тактические промахи в действиях «верховников»: инициаторы политического переворота не позаботились опубликовать «кондиции», не решились изменить форму присяги, допустили отслужить молебен с провозглашением Анны «самодержицей»; в целом им «надо было действовать решительнее, немедленно же назначить четверых новых членов Верховного Тайного совета из самых сильных людей между недовольными; но этого не сделали».¹²

Уже опираясь на труд Соловьева, публицист и писатель Е.П.Карнович сформулировал «оппозиционную» концепцию событий 1730 г.: несмотря на «нескромные притязания» верховников, их действия являлись «коренным переворотом в развитии нашей государственной жизни». Вслед за декабристами он связал «революционное движение» 1730 г. с предшествовавшими попытками ограничения самодержавия (крестоцеловальной записью Шуйского 1606 г., договором бояр с королевичем Владиславом 1610 г. и обязательствами, возможно, принятыми царем Михаилом Романовым в 1613 г.) и практикой Земских соборов в допетровской России. Более того, автор полагал, что уже в 1725 г. многие петровские вельможи стремились изменить государственное устройство России по шведскому образцу, но тогда эта попытка не удалась.

Впервые, по донесениям иностранных послов, Карнович указал на существование особого конституционного «плана» Д.М.Голицына. Дворянские проекты, считал автор, несомненно свидетельствовали о поддержке реформаторских планов; но споры между шляхетством и Верховным Тайным советом привели к тому, что «верховники» и челобитчики попали в западню, устроившую их политическими противниками.¹³

Первым специальным научным исследованием проблемы стала монография профессора Казанского университета Д.А.Корсакова, до сих пор не потерявшая практического значения благодаря тщательности разработки темы, публикации самих источников и обширному справочному материалу. Эта работа стала рубежом в исследовании проблемы: после ее появления любые точки зрения и споры неизбежно требовали уже профессионального исследования (пересмотра датировок и атрибуции текстов) сохранившегося комплекса документов.

Корсаков исследовал выявленные им шляхетские проекты и пришел к выводу о существовании в рядах дворянства двух основных течений —

противников и сторонников ограничения самодержавия. Однако шляхетство только что «осознало свою корпоративность», его группировки были текучими, изменчивыми; для них были характерны противоречия в убеждениях и поступках вплоть до полной «перемены мыслей». Эти колебания и «неумение действовать сообща» в сочетании с «бестактными и нецелесообразными» мерами Верховного Тайного совета сделали невозможным сотрудничество «верховников» с более широким кругом сторонников политических перемен.

Ученый отрицал наличие «олигархических тенденций» в замыслах Верховного Тайного совета, члены которого, как и прочее шляхетство, желали «прочного основания государственного устройства» и «прибавляли себе воли» знаменитыми «кондициями» только в качестве первого шага на пути к решению этой задачи. Он был убежден в существовании у князя Д.М.Голицына смелого «плана» государственных преобразований и отмечал сделанные им в этом проекте и в самих «кондициях» заимствования из актов шведского сейма 1719–1720 гг. Но правители закулисными действиями восстановили против себя «генералитет» и большую часть дворян и, таким образом, «сами подготовили падение своему делу». В результате несчастливой исхода этой борьбы в стране утвердилась «иноземная олигархия» — пресловутая «бионовщина».¹⁴

Появление труда Корсакова вызвало многочисленные отклики и рецензии. Одни авторы, как Н.И.Костомаров, целиком соглашались с выводами ученого и с сожалением отмечали отсутствие у дворянства развитого «политического сознания».¹⁵ Радикальный публицист и историк С.С.Шашков критиковал работу «слева»: попытка «верховников» не могла стать «Magna Charta» для России, поскольку «никакая олигархия не могла ничего принести народу, кроме вреда» и появления «второй Польши»; в олигархической природе «самодура» Д.М.Голицына и «омаркизировавшегося боярина» В.Л.Долгорукова у автора сомнений не было, как и у историка Е.А.Белова.¹⁶ Консервативные оппоненты, как Н.П.Загоскин, с неодобрением отмечали сходство взглядов исследователя с выводами Карновича. По его мнению, подписи под проектами вовсе не свидетельствуют об истинных позициях шляхетства: дворяне стремились только к «обузданию» Верховного Тайного совета, на деле же им была свойственна полная политическая «индифферентность». Рецензент вообще не видел в работе «ничего нового», за исключением публикации самих проектов, и был убежден, что олигархи-«верховники» действовали исключительно в фамильных интересах.¹⁷

В напряженной атмосфере конца царствования Александра III спор вокруг событий переводил профессиональную разработку проблемы в плоскость политических пристрастий авторов. Для молодого П.Н.Милюкова исследование попытки конституционной реформы в послепетровское время стало, по выражению Я.А.Гордина, «манифестом начинающего политика». Милюков сделал новый шаг в изучении темы: привлеч новые источники (донесения шведских посланников — по работе шведского историка Т.Иерне) и по-иному атрибутировал некоторые документы. Он пришел к выводу, что в основу проектов Верховного Тайного со-

вета легла не современная им шведская «форма правления» 1719–1720 гг., а постановления 1634 и 1660 гг., вводившие в Швеции правление Государственного совета из 5 человек.

Но к проблеме историк подходил уже не только с академических позиций. Милюков прямо вступил в спор с Загоскиным: по его мнению, дворяне (он даже называл их «московской интеллигенцией») обсуждали и подписывали проекты с «напряженным интересом». Он категорически отрицал какую бы то ни было личную корысть в действиях Д.М.Голицына и реконструировал на основе всех известных ему источников предполагаемый «план» князя, в существовании которого не сомневался. План этот, по убеждению Милюкова, не содержал «ничего олигархического» и мог бы стать важным условием для постепенной эволюции государственного строя России в сторону политической свободы. Но «конституционалисты» из шляхетства и «верховники» не согласились на взаимные уступки; в итоге страна «пошла далеко не тем путем, о котором мечтали руководители движения 1730 г.». Для самого дворянства это означало победу узко-сословных интересов над «политическим самосознанием». Как печальное свидетельство упущенных возможностей Милюков впервые опубликовал фотокопию надорванных императрицей Анной «кондиций».¹⁸

Выводы Корсакова и Милюкова прочно вошли в научный оборот и принимались в работах других авторов с большей или меньшей категоричностью в зависимости от их личных убеждений. Более консервативный М.К.Любавский считал вполне закономерным крах политического движения 1730 г.; более либеральные М.М.Ковалевский и М.М.Богословский полагали «попытку создать представительное правление» вполне возможной, если бы ее противники не «натравили» сторонников реформ друг на друга.¹⁹ Лишь немногие, подобно Д.И.Иловайскому, пытались отстаивать традиционную концепцию выступления «бояр-олигархов» исключительно «в интересах личного возвышения».

Весьма характерными представляются и аргументы основного оппонента Милюкова — профессора-юриста А.С.Алексеева. Основной упор в полемике был им перенесен с анализа источников на правомерность деятельности Верховного Тайного совета, превратившегося с введением в его состав фельдмаршалов М.М.Голицына и В.В.Долгорукова из высшего государственного органа в «фактическое собрание, лишенное всякой юридической санкции», и даже в «революционный комитет», главным юридическим которого явились ложь и подлоги.²⁰

Оценка В.О.Ключевским «политической драмы» 1730 г. (во время подготовки четвертого тома своего «Курса» в 1907–1909 гг.) оказалась заметно более пессимистической по сравнению с милюковской. Историк считал Д.М.Голицына сторонником политической свободы и автором «плана настоящей конституции», но в то же время видел в нем «старого Дон Кихота отпетого московского боярства», до конца отстаивавшего аристократический состав Совета и превратившего политическую борьбу в «придворную плутню».²¹ Не лучше оказалось и собранное в столице шляхетство с его «рознью и политической неподготовленностью». Хотя какая-то его часть и была согласна с ограничением самодержавия, но в целом оно про-

явило равнодушие к «образам правления» и неспособность действовать самостоятельно: «ютилось вокруг важных персон, суливших им заманчивые льготы, и вторило своим вожакам».²² В итоге политическая дискуссия свелась к борьбе Сената, Синода и генералитета с Верховным Тайным советом. Спор этот был решен единственной организованной политической силой — гвардией, которая в данном случае поступила «показарменному»: ее толкали против самовластия немногих во имя права всех, а она набросилась на всех во имя самовластия одного лица».²³

Наметившееся на рубеже XIX–XX веков обсуждение проблемы было свернуто после известной ленинской оценки послепетровской эпохи и неудачной попытки М.Н.Покровского объяснить смысл происходивших событий столкновением интересов «торгового капитала» в лице «верховников» и крепостнических интересов массы дворянства. В советской научной литературе (вплоть до 80-х гг. XX столетия) возродилась и укрепилась оценка действий Верховного Тайного совета как попытки установления олигархической формы правления в интересах старинных боярских родов.²⁴ Пожалуй, единственным исключением стала серия статей Г.А.Протасова, в которых автор заново скрупулезно исследовал комплекс опубликованных и архивных материалов по проблеме и пришел к весьма важным выводам. В частности, им была пересмотрена датировка и атрибуция важнейших документов Верховного Тайного совета и дворянских проектов.²⁵

Появившиеся в последнее время работы отчасти исходят из оценки действий Д.М.Голицына и его коллег как «олигархического переворота», который при этом все же ставил целью ограничение самодержавия и даже имел, но «упустил исторический шанс реформировать систему власти».²⁶ Недавно появилась точка зрения, которая признает существование своеобразного «равновесия между Верховным Тайным советом и императрицей», нарушенного «шляхетством», вовсе не стремившимся к осуществлению конституционных проектов и желавшим вернуться «к привычному порядку вещей».²⁷

С другой стороны, некоторые авторы как бы возвращаются к концепции Милюкова, когда полагают, что лидеры переворота 1730 г. стремились «подхватить ограничительную традицию земских соборов, вернуть в структуру власти представительный элемент — на новом европейском уровне, совместить русский опыт прошлых веков с современным западным опытом», в то время как многие дворяне обладали психологической готовностью «к переходу на следующий уровень свободы». Победа «верховников» означала бы, с их точки зрения, целый «культурный сдвиг» в истории России: «участие общества в управлении страной, контроль над хищным государством, превращение государства из цели в орудие, гарантию соблюдения человеческого достоинства».²⁸

Ряд авторов даже полагает, что конституционное устройство было предпринято и только «случай распорядился иначе»; другие считают возможным сделать 1730 г. исходной точкой в новой периодизации освободительного движения в России.²⁹ Характерно при этом, что обращение к концепциям либеральной историографии начала XX века не только не

сопровождается новыми источниковедческими наблюдениями, но и не учитывает уже имеющиеся выводы и наблюдения — в частности, работы Г.А.Протасова, уже признанные историками.

Оценка государственного переворота 1730 г. в западной историографии заметно осторожнее: немногие авторы рассматривают его как «поворотный пункт в русской истории».³⁰ Большинство историков признает, что князь Д.М.Голицын и другие «верховники» не стремились обратить вспять петровские преобразования. Тем не менее они видят в «кондициях» прежде всего попытку сохранить власть Верховного Тайного совета и сомневаются в наличии у его членов планов модернизации политического строя.³¹ Активность же дворянства в февральские дни 1730 г. объясняется ими, скорее, с точки зрения борьбы и взаимодействия различных группировок знати и примыкавших к ним благодаря патронажно-клиентским связям представителям «шляхетства» и не рассматривается как качественно новый этап в развитии политической культуры российского дворянства.³²

В итоге множится количество противоречивых оценок одних и тех же событий и участвовавших в них лиц, накапливаются спорные вопросы. Для дальнейшего исследования проблемы представляется необходимым научное издание всего комплекса сохранившихся «прожекторов» и других документов 1730 г. Все эти документы уже были опубликованы, хотя до сих пор отсутствует единое научное издание всех источников о событиях 1730 г. Такая работа тем более необходима, что существующие публикации порой неверно указывают авторство документов и содержат ошибки в передаче текста.³³

Целью данной главы как раз является попытка еще раз рассмотреть две «переворотные» ситуации 1730 г., проследить позиции разных слоев «шляхетства» и выявить уровень политических представлений и настроений действовавших сил, используя некоторые новые источники из фондов РГАДА и РГВИА.

«Коварные письма»

18 января 1730 г. в московском Лефортовском дворце (он и поныне стоит на берегу Яузы) умирал от оспы Петр II, и перед правителями страны вновь встал тревожный вопрос о престолонаследии и о собственной судьбе. Император был последним из мужского потомства Романовых; неизбежен был выбор из числа претендентов, имевших равные права на корону. Свою волю по закону 1722 г. Петр II выразить не успел; да и едва ли ее приняли бы во внимание, если вспомнить судьбу его деда. Существовало, правда, еще и завещание Екатерины I, объявлявшее наследницами дочерей Петра I Анну и Елизавету с их потомством. Но его основные положения уже были нарушены самим Верховным Тайным советом в 1727 г. Петровская ломка общепризнанных традиций и норм и отсутствие гарантий сохранения статуса в будущем неизбежно вели «верховников» к необходимости самим распорядиться судьбой трона, а фактически — к очередному перевороту, ибо любой выбор не имел прочных правовых оснований и всегда мог быть оспорен.

Опыт «силовых» решений 1725—1727 гг. уже был усвоен не только российской политической верхушкой, но и европейскими дипломатами при русском дворе. Х.Вестфален во время роковой болезни Петра II призвал князей Долгоруковых действовать по примеру Толстого и Меншикова, чтобы «доставить подобное же преимущество» обрученной невесте императора княжне Екатерине.³⁴ Другое дело, что отец и брат невесты не обладали решительностью светлейшего князя. Иван Долгоруков вроде бы попробовал провозгласить сестру императрицей; но эта попытка окончилась провалом, как и затея с завещанием в ее пользу. Раскол «фамилии» и противодействие других правителей (прежде всего Остермана) сорвали и замысел обвенчать уже заболевшего царя.³⁵

На совещании «верховников» в ночь с 18 на 19 января князь Дмитрий Михайлович Голицын пресек разговоры о якобы подписанном Петром II завещании и вслед за тем отвел кандидатуры дочери Петра I Елизаветы и внука Карла-Петера-Ульриха Голштинского. С помощью наиболее гибкого из Долгоруковых, дипломата Василия Лукича, Голицын предложил избрать на российский престол представительницу старшей линии династии: вторую дочь царя Ивана, герцогиню Курляндскую Анну — бедную вдову, коротавшую свои дни в провинциальной Митаве (ныне Елгава в Латвии) и не имевшую в Петербурге прочных связей.

Кандидатура Анны прошла единогласно, но вслед за этим Голицын сразу же предложил собравшимся «воли себе прибавить». «Хоть и зачем, да не удержим этого», — откликнулся на это заявление В.Л.Долгоруков. «Право, удержим», — настаивал Голицын и пояснил: «Будь воля наша, только надобно, написав, послать к ее величеству пункты». Именно так, по рассказу В.Л.Долгорукова на следствии в 1739 г., в Верховном Тайном совете была провозглашена идея ограничения самодержавной монархии.³⁶

Протоколы заседаний Совета от 19 января фиксировали лишь введение в его состав двух фельдмаршалов (и подполковников гвардии) В.В.Долгорукова и М.М.Голицына и сообщали: «Верховный Тайный совет, генерал-фельдмаршалы, духовный Синод, тако ж из Сената и из генералитета, которые при том в доме его императорского величества быть случились, имели рассуждение о избрании кого на российский престол, и понеже императорское мужеского колена наследство пресеклось, того ради рассудили оной поручить рожденной от крови царской, царевне Анне Иоанновне, герцогине Курляндской».³⁷ О принятом решении «верховники» сразу оповестили находившихся во дворце чинов Синода, сенаторов и прочих знатных особ. Возражений не последовало.

Утром того же дня об избрании Анны стало известно и дипломатам, которые немедленно сообщили новость своим правительствам. Французский консул Виллардо удовлетворенно докладывал о «всеобщем одобрении» выбора новой царицы: «Все обошлось благополучно столь мирным и неожиданным образом».³⁸

Сохранившиеся черновые материалы Верховного Тайного совета, следственное дело князей Долгоруковых 1739 г. и собранная наблюдателями-дипломатами информация позволяют заглянуть за кулисы заседаний Совета, где разыгрывались события, не отраженные в официальных про-

токолах. Но и к этим, порой уникальным, свидетельствам следует подходить осторожно: слишком многое осталось по разным причинам навсегда скрытым.

Подозрительным выглядит стремление Долгоруковых на следствии представить выступление князя Голицына внезапным, а его самого — единственным «зачинщиком» ограничивавших самодержавие мер. Так и в современных работах при описании событий 1730 г. на первый план выдвигается более «солидная» фигура Д.М.Голицына. Но в глазах современников инициатива и руководящая роль в Совете принадлежала Долгоруковым (прежде всего — опытному дипломату Василию Лукичу), что зафиксировали источники: сочинение Феофана Прокоповича, записки герцога де Лириа и письмо неизвестного автора, использованное английским консулом в донесении от 26 февраля 1730 г.³⁹ Генерал русской службы шотландец Джеймс Кейт вспоминал, как вскоре после смерти Петра II «стало известно, что Долгорукие составили форму правления, по которой императрица должна была получить титул, а они — власть».⁴⁰

Прусский дипломат А.Мардефельд уже 19 января утверждал, что Голицын заранее договорился с Остерманом о выдвижении Анны «с условием ограничения самодержавной власти».⁴¹ Какие-то контакты были у Голицына с датским послом, готовившимся к очередной «революции». Вестфален уже успел занять у английского консула 6 тысяч рублей для противодействия избранию нежелательной для Дании кандидатуры голштинского принца. Во всяком случае, именно его разбудил в 5 часов утра 19 января посланный Д.М.Голицыным человек и известил о воцарении Анны; благодарный посол тут же поспешил поднести супруге князя подарок в виде тысячи дукатов.⁴²

Первые же донесения послов свидетельствуют о появлении «партий» сестры Анны (Екатерины Мекленбургской), первой жены Петра Евдокии Лопухиной и цесаревны Елизаветы.⁴³

Однако «верховники» действовали быстро и согласованно. Д.А.Корсаков реконструировал процедуру создания трех редакций «пунктов», призванных поставить будущую императрицу в рамки утвержденных ею же обязательств. В черновом журнале Совета (позднее озаглавленном императрицей как дело «о коварных письмах как я на престол взошла») было указано, что они составлены «собранием» Верховного Тайного совета «в присутствии генералов-фельдмаршалов», введенных 19 января в состав Совета и в этом качестве подписавших окончательный вариант. Под давлением окружающих даже осторожному вице-канцлеру Остерману пришлось «вступить» в составление знаменитых «кондиций», которые принципиально меняли сложившуюся в России форму правления.⁴⁴ В течение всего дня 19 января этот документ подвергался все новой правке и в окончательном виде к вечеру состоял из следующих пунктов:

«<...> По принятии короны российской, в супружество во всю мою жизнь не вступать и наследника, ни при себе, ни по себе никого не определять. Еще обещаемся, что понеже целость и благополучие всякого государства от благих советов состоит, того ради мы ныне уже учрежденный верховный тайный совет в восьми персонах всегда содержать и без оного Верховного Тайного Совета согласия:

1) Ни с кем войны не всчинять.

2) Миру не заключать.

3) Верных наших подданных никакими новыми податми не отягощать.

4) В знатные чины, как в статские, как и в военные, сухопутные и морские, выше полковничья ранга не жаловать, ниже к знатым делам никого не определять, и гвардии и прочим полкам быть под ведением Верховного Тайного Совета.

5) У шляхетства и имения и чести без суда не отымать.

6) Вотчины и деревни не жаловать.

7) В придворные чины, как русских, так и иноземцев, без совету Верховного Тайного Совета не производить.

8) Государственные доходы в расход не употреблять.

И всех верных своих подданных в неотменной своей милости содержать. А буде чего по сему обещанию не исполню и не додержу, то лишена буду короны росиской».⁴⁵

Официальный список этой окончательной редакции в журнале Совета был подписан всеми его членами (в том числе и Остерманом), за исключением В.Л.Долгорукова; видимо, в качестве «нейтральной» фигуры посла ему было удобнее уговаривать Анну принять перечисленные выше условия. Те же шесть подписей стояли под сопроводительным письмом Совета к курляндской герцогине.⁴⁶ Оно содержало также утверждение о ее избрании не только самим Верховным Тайным советом, но «и духовного и всякого чина шведскими людьми», что не соответствовало действительности (несмотря на лукавую оговорку об отправлении «кондиций» «из собрания своего», без указания, какого именно). Интересно, что эти фразы были внесены в черновик письма позже — очевидно, после определенных колебаний.

Может быть, князь Дмитрий Голицын затем и пытался в ночь с 18 на 19 января сообщить о планах ограничения власти монарха нескольким вельможам — П.Ягужинскому, И.Дмитриеву-Мамонову, Л.В.Измайлову, — чтобы иметь возможность придать решению Совета более широкий характер.⁴⁷ Ведь утреннее представительное собрание в Кремле «чинов» первых пяти рангов позволило утверждать, что престол Анне «рассудили поручить» не только Верховный Тайный совет, но и Синод, Сенат, генералитет «и статские до брегадира». Или речь шла о пополнении самого Совета еще одним членом? Окончательный текст «кондиций» предписывал императрице «учрежденный Верховный Тайный совет в восьми персонах всегда содержать»; но и с принятием в его состав двух фельдмаршалов количество членом составляло только 7 человек. Брат В.В.Долгорукова, бывший сибирский губернатор М.В.Долгоруков ни при Петре II, ни в январе-феврале 1730 г. членом Совета не был и никаких документов в этом качестве не подписывал, вопреки часто встречающимся в литературе утверждениям. Очевидно, восьмое кресло в Совете планировалось для него или кого-то другого, но так и осталось вакантным до конца описываемых событий.

Как бы то ни было, утром 19 января Голицын и его коллеги официально ничего не объявили о «кондициях». Составление всех необходимых документов затянулось до 8 часов вечера 19 января.⁴⁸ Только к ночи в об-

становке секретности три представителя Верховного Тайного совета — В.Л. Долгоруков, М.М. Голицын-младший (сенатор) и генерал М.И. Леонтьев — отправились в Курляндию. Одновременно Москва была оцеплена заставами, и выехать из города можно было лишь по выданным правителями паспортам. Решительные действия Совета позволили ему выиграть время и не допустить никаких дискуссий о порядке престолонаследия; но они же не могли не вызвать противодействия со стороны недовольных, по тем или иным причинам, решениями «затейщиков».

В литературе о событиях 1730 г. не раз уже перечислялись тактические промахи Д.М. Голицына: его подчеркнутое презрение к духовным иерархам, нежелание поделить власть с представителями генералитета и — главное — умолчание о «кондициях», что сразу поставило все предприятие «верховников» под угрозу обвинений в подлоге и узурпации власти. Правда, укору в адрес князя выглядят вполне справедливо при условии, что «верховники» действительно стремились к созданию новой, более либеральной политической системы. Но если нет — тогда, напротив, секретность и быстрота действий должны были обеспечить победу замысла «верховников». Ни у цесаревны, ни у сестер Анны не оказалось в нужный момент «партии» влиятельных сторонников — все они были слишком далеки от двора.

Тайные действия правителей в тот же день стали предметом обсуждений и слухов. Еще ночью Ягужинский заявлял: «Теперь время, чтоб самодержавию не быть», — и просил «прибавить нам как можно воли». Но как только генерал-прокурор и зять канцлера Головкина и на этот раз оказался за пределами избранного круга правителей, он быстро переменил позицию. 20 января он отправил камер-юнкера Петра Сумарокова в Митаву с подробной инструкцией: доложить Анне о подлинных обстоятельствах ее избрания и требовать от «посланных трех персон такого письма за подписанием рук, что они от всего народу оное привезли». Ягужинский предостерегал герцогиню от подписания «кондиций» и ясно намекал, «чтоб ее величество была благонадежна, что мы все ее величеству желаем прибытия в Москву». ⁴⁹

Сумароков с помощью курьеров саксонского посла сумел прорваться в Курляндию, но опередить депутацию Совета не успел и даже был выдан Анной московским послам. Это смогли сделать другие: гонцы камергера Р.-Г. Левенвольде и Феофана Прокоповича. Таким образом, новая императрица узнала не только о планах Совета, но и о существовании их противников. В очередной раз «заболел» Остерман, уже с 19 января не показывавшийся в Совете.

Проблема была в том, что сохранить секретность было невозможно. И дело не только в Ягужинском или Левенвольде. Необычную активность невозможно было скрыть от служащих самого Верховного Тайного совета, где в качестве караульных и рассыльных работали сержанты и капралы гвардии. Свои каналы поступления информации имели иностранные дипломаты; характерно, что большинству из них стала известна не окончательная редакция «кондиций», а ее черновые варианты — вероятно, от друзей и родственников «верховников» или непосредственно из канцелярии Совета.

Расспросные речи арестованного Сумарокова показывают, что сенсационная новость стала известной широкому кругу лиц: адъютанту Ягужинского Ивану Окуневу и его же секретарю Авраму Полубоярову, а от них — камер-юнкеру Семену Нарышкину, гоф-юнкеру Льву Кайсарову, Петру и Воину Корсаковым, Алексею Аргамакову, Василию Дурново, кавалергарду Ивану Чаплыгину и их женам. ⁵⁰ Некоторые из перечисленных персонажей позже принимали участие в обсуждении шляхетских проектов и поставили под ними свои подписи.

Дело об отправлении к Анне Иоанновне посольства и «препровождении» ее в Москву (оно хранится отдельно от известного комплекса документов о событиях 1730 г.) показывает, что за решением вопросов текущего управления (о выделении денег на строительство крепостей, ссылке колодников в Сибирь, присвоении очередных воинских чинов) «верховники» напряженно ждали известий из Курляндии. Проведение не отмеченных в издании протоколов Совета Русским историческим обществом, но указанных в черновом журнале заседаний 22, 30 и 31 января также свидетельствует, что в последние дни января «верховники» собирались необычно часто. ⁵¹

Посольство прискакало в Митаву вечером 25 января. Немедленная аудиенция принесла успех, и В.Л. Долгоруков наутро следующего дня поспешил отправить гонца с сообщением, что новая императрица «изволила подписать: “Тако по сему обещаю без всякого изъятия содержать Анна”». Путь до Москвы занимал 5–6 дней; но «верховники», очевидно, нервничали и уже 28 января послали новое письмо с напоминанием: «Когда ее величество изволит подписать по прошению нашему отправленное с вами к подписи ее величеству известное письмо, то оное, нимало у себя не удержав, извольте сюды прислать с генерал-маеором Леонтьевым». Гонец князя Василия Лукича прискакал в Москву только 30 января, за что ему, прапорщику лейб-регимента, выпала щедрая награда в 100 рублей. Немедленно последовало новое письмо в Митаву с тем же наказом: как можно скорее прислать подписанные «кондиции». ⁵²

Если бы перенести современные транспортные возможности в то время, то можно предположить: немедленное прибытие Анны с подтверждением «кондиций», пожалуй, могло бы и вправду упрочить положение «верховников». Издание соответствующего манифеста с оглашением «кондиций» и проведением присяги поставило бы все власти империи перед свершившимся фактом. Затем должны были последовать раздачи от имени новой императрицы чинов, наград и должностей для одних и отправка недовольных подальше от столицы: в полки, в персидские провинции, на воеводства и губернаторства. Позднее начались бы коронационные торжества с новыми милостями... «Партии» других членов царского дома (Екатерины Мекленбургской, Елизаветы, «голштинского» принца, царицы Евдокии) не представляли реальной силы, и ни одна из них не выступала в 1730 г. самостоятельно. Все это, пожалуй, сулило известные шансы на успех — хотя бы на какой-то срок.

Но время работало против «верховников». Названное дело хранит обильную переписку о лошадях и подводах, ставших камнем преткновения на пути скорейшей доставки императрицы ко двору. Лифляндский гене-

рал-губернатор П.П.Ласси докладывал, что собрать потребное количество лошадей и 130 подвод для царского поезда раньше 29 января невозможно; всего же для доставки Анны и ее свиты необходимо было по пути следования приготовить не менее 1500 подвод, что превышало возможности ямской службы. Пришлось самому Верховному Тайному совету распорядиться об устройстве дополнительных подстав на больших перегонах, подготовке дополнительных подвод за счет крестьян и «градских жителей» и назначать к ямам и подстамам по унтер-офицеру и пяти рядовым из расположенных поблизости полков. Да и путешествовать с курьерской скоростью российской императрица не могла: необходимы были торжественные встречи с «паратами» войск и молебнами, остановки для отдыха и ночлега, для чего искали — не всегда успешно — подходящие дома, где бы «тараканов не было». Только утром 29 января Анна отправилась в путь, занявший почти две недели.⁵³

22 января были сняты заставы вокруг Москвы и возобновлено почтовое сообщение. Члены Совета поблагодарили Анну (наравне с В.Л.Долгоруковым) вежливым письмом и на очередных заседаниях занимались похоронами Петра II и подготовкой подробного церемониала встречи новой императрицы в Москве. Но властные действия Совета и отсутствие точной информации не могли не волновать съехавшихся в столицу на свадьбу царя и попавших на его похороны дворян. Тогда в Москве находилась, по подсчетам Корсакова, половина «чинов» первых четырех классов, т.е. реально державших в руках военную и гражданскую власть в стране, а также немало дворян низших рангов.

«Конституция» Верховного Тайного совета

Итак, о подписании императрицей «кондиций» члены Верховного Тайного совета узнали через 11 дней. Росчерком пера абсолютная монархия на территории империи стала ограниченной и оставалась таковой ровно месяц — с 25 января по 25 февраля 1730 г. Правда, подавляющее большинство подданных об этом так никогда и не узнало. Но что же могло быть известно собравшимся в Москве представителям правящей верхушки империи и прочему шляхетству?

Немногочисленные источники, оставленные людьми этого круга, вообще не упоминают о январской «революции», хотя некоторые из названных лиц были ее непосредственными свидетелями и участниками, как ординарец фельдмаршала Долгорукова подпоручик Василий Нащокин, поставивший свою подпись под проектами и прошениями генерал Григорий Чернышев или молодой капитан Яков Шаховской.

Особо можно выделить известное сочинение Феофана Прокоповича, но оно меньше всего может считаться объективным свидетельством; это скорее политический памфлет, направленный против «верховников». Феофан в характерной для него манере соединил меткие наблюдения очевидца с пристрастными толкованиями действий своих противников и умолчанием о событиях, противоречивших замыслу его сочинения. Так, например, он подробно рассказывал о волнениях и подозрениях шляхет-

ства в адрес Верховного Тайного совета, но ни словом не обмолвился о содержании самих «кондиций» (только упоминая «некое письмо») и поданных дворянством проектах; чтобы избежать этого, он вообще опустил в тексте все события, происходившие с 3 по 10 февраля 1730 г. Рассказывая о восстановлении самодержавия, он писал только об одной из двух поданных Анне в этот день челобитных. «Верховников» же он называл «осьмиличными затейщиками» (именно Феофан первым назвал их «олигархами»), хотя не мог не знать, что М.В.Долгоруков не был членом Совета; зато так еще больше подчеркивалось засилье в нем двух знатных фамилий.⁵⁴

Поэтому важнейшим источником для изучения общественной атмосферы тех дней остаются донесения иностранных дипломатов. К настоящему времени опубликованы в русских переводах (полностью или в подробных выдержках) депеши испанского посла герцога де Лириа, датского, прусского и саксонского посланников Вестфалена, Мардефельда и Лефорта, английского консула Рондо и французского резидента Маньяна. П.Н.Милоков использовал в своей статье известия из донесений шведского посланника Дитмара (по работе шведского историка Т.Иерне).⁵⁵

Как правило, такие депеши отсылались регулярно, раз в неделю, если не было возможности сообщить о каком-нибудь чрезвычайном происшествии с озаимией. Первые по времени сообщения о смерти Петра II и избрании Анны от 19 января иных сведений не содержат. Но уже 20-го (здесь и далее даты приводятся по принятому в России старому стилю) герцог де Лириа узнал о каких-то условиях, ограничивающих власть императрицы. 22-го об этом же сообщили Лефорт, Маньян и Мардефельд.⁵⁶

Только А.Мардефельд точно знал уже 22-го числа о существовании конкретного «акта», передававшего власть Совету и запрещавшего императрице производить в чины выше полковника, выходить замуж и назначать наследника. Лефорт писал о запрещении выходить замуж и о том, что императрица «некоторым образом» зависит от Совета. Маньян и Лириа могли только сказать о каких-то «особых условиях», не зная ничего о них конкретно. К тому же Маньян явно ошибся, когда предположил, что эти условия включали требование к Анне подчиняться Совету, «назначаемому народом».

Таковыми были сообщения первой недели «революции» — с 19 по 25 января. На протяжении второй недели у дипломатов новой информации о событиях не появилось. Только к концу третьей недели (5 февраля) Лефорт смог передать свой пересказ «условий» и на следующей, четвертой неделе от начала событий (12 февраля) сообщил текст этого документа в одной из черновых редакций. Чуть раньше (к 9 февраля) текст, также в черновой редакции, добыл «путем интриг и денег» де Лириа. Рондо и Маньян передали известный им — тоже черновой — вариант «кондиций» только в понедельник пятой недели, 16 февраля. И на той же неделе (19 февраля) Лефорт отправил единственный известный нам по дипломатической переписке беловой текст документа.

Публикация депеш Мардефельда обрывается на документе от 12 февраля, но до этого времени новой информации о «кондициях» у него нет. Интересно, что Вестфален — единственный из послов, беседовавший с

Д.М.Голицыным о шведском и английском образе правления (согласно его депеше от 22 января), — ничего об этих условиях не узнал вплоть до 19 февраля. В своих донесениях он сообщал только о намерениях Совета «ограничить самовластие». И лишь 26 февраля посол передал в Копенгаген текст «кондиций» вместе с рассказом о восстановлении самодержавия. В этом же послании Вестфален проговорился и о причине своей неосведомленности о готовившемся перевороте: «Человек по своей природе легко склонен верить исполнению того, что он желает».⁵⁷ Депеши датского дипломата явно свидетельствуют о его желании сохранить новый политический строй России — лишь бы только возможные потрясения не привели к власти «голландскую» линию русской династии.

Таким образом, сопоставление посольских сообщений о «кондициях» показывает, что большинство дипломатов получили более или менее точные известия о содержании этого документа только **после** его публичного оглашения на собрании «чинов» в Кремле 2 февраля. До этого времени лишь Мардефельд и Лириа получили представление о них — и то весьма неполное — со слов своих информаторов. Их коллеги не располагали и этим, — как, вероятно, многие из собравшихся в Москве дворян, живших первые две недели нового царствования в атмосфере напряженного ожидания, слухов и подозрений при отсутствии сколько-нибудь точных сведений о планах Верховного Тайного совета. Сама необычность ситуации избрания монарха и «утечка» информации могли только стимулировать появление различных толков и суждений.

Все это представляется весьма важным для ответа на вопрос о знаменитом «плане» князя Голицына. Целый ряд исследователей, начиная с Д.А.Корсакова, были убеждены в его существовании. Наличие столь смелого замысла реформы государственного строя империи служило дополнительным аргументом для опровержения концепции «олигархического заговора» и доказательства зрелости «конституционного» движения в среде дворянства.⁵⁸

В литературе за последние 30 лет только Г.А.Протасов опровергал наличие такого плана;⁵⁹ он же обратил внимание, что лишь Маньян связывал «план» с именем Д.М.Голицына, — у остальных авторов такого отождествления нет.

Действительно, о наличии такого «плана» сообщили 26 января де Лириа, 29 января — Лефорт и 2 февраля — Маньян и Рондо. Напомним, что речь шла о намерении учредить вместе с Верховным Тайным советом (из 10 членов по Маньяну или из 12 — по данным Лириа, Рондо и Лефорта) Сенат из 30 (Лириа), 36 (Маньян и Рондо) или 60 (Лефорт) человек и нижнюю палату из представителей дворян в 100 (Лефорт) или 200 (Лириа, Маньян и Рондо) человек. Только у Маньяна и Рондо имеются сведения о возможном созыве еще одной палаты из представителей купечества или «городских депутатов».⁶⁰

Нам кажется, что рассматривать эти сведения стоит с учетом уровня информированности их носителей. Сравнение же такой информации в дипломатических депешах по ряду параметров (полнота и скорость получения сведений о событиях в ночь с 18 на 19 января, о «кондициях», о

дворянских проектах) показывает, что Маньян и Рондо как раз являлись наименее осведомленными. И дело, как кажется, не только в источниках информации, хотя и это весьма важно.⁶¹

Главное отличие, пожалуй, состояло даже не в круге знакомств (выше уже описывалось почти абсурдное неведение хорошо знакомого с князем Д.М.Голицыным Вестфалена). Дело в том, что Маньяна и Рондо интересовала прежде всего внешнеполитическая сторона происходивших в стране событий. В этом нетрудно убедиться, читая подряд их донесения: основным для них является вопрос, пойдет или не пойдет русский корпус в 30 тысяч человек на помощь союзной Австрии, поскольку оба дипломата представляли враждебную Габсбургам коалицию. И при ответе на него сказались различные возможности дипломатов. Опытный А.Мардефельд сообщил об отправке русского корпуса уже 2 февраля (т.е. до того, как был подписан официальный протокол этого решения Совета от 21 февраля), тогда как английский консул известил об этом только 25 марта 1730 г.

Испанского герцога и представлявшего на тот момент противоположный лагерь саксонского дипломата больше интересовали внутренние дела России. Характерным показателем можно считать внимание к развернувшейся на их глазах политической борьбе. Именно Лириа и Лефорт (а также Мардефельд, судя по свидетельству Д.А.Корсакова, знакомого с его неопубликованными депешами) добывали и приводили в своих донесениях проекты шляхетских группировок. Маньян же о них ничего не сообщал и просто отмечал «хаос» разногласий во мнениях. Рондо, хотя и держал эти документы в руках, но даже не посчитал нужным докладывать о них в Лондон, поскольку все они, по его словам, были «мало продуманы».⁶²

С учетом этих обстоятельств представляется важным, что хорошо информированный Мардефельд вообще ничего не писал об этом плане, а Лириа и Лефорт, первыми сообщившие о проекте политической реформы, не связывали его с именем князя Голицына и вообще с намерениями Верховного Тайного совета. Речь шла о неких «планах вельмож», противопоставляемых настроениям мелкого дворянства. И связывать их, на наш взгляд, следует не с какими-либо планами «верховников» (ведь ко времени их публикации в депешах дипломаты еще не представляли себе содержания «кондиций», а «верховники» не знали ответа Анны), а с информацией, содержащейся в их же более ранних донесениях.

Так, Лириа в депеше от 20 января сообщал о намерениях «учредить республику» то ли по польскому образцу, то ли на английский манер. О том же писал 22 января Лефорт: «Одни хотят устроить его [“новое правление”. — *И.К.*] наподобие правления Англии, другие — подобно Польше, а третьи желают республики без представителя, и тогда знатные уничтожили бы верховную власть и неограниченную зависимость».⁶³

Если сопоставить изложение этих намерений в посольских донесениях от 20 января — 2 февраля (т.е. до оглашения «кондиций») с тем, что свое заседание с «секретными разговорами» Верховный Тайный совет смог провести только 31 января (после получения известия о согласии Анны принять престол), то можно с достаточной определенностью утверждать: из

ложенного в посольских донесениях плана Д.М.Голицына в действительности не существовало. Донесения дипломатов отразили те толки и слухи, которые циркулировали в столичном кругу. Конкретные события, в достоверности которых трудно сомневаться (разговор Вестфалена с Д.М.Голицыным о шведском и английском «образе правления», упоминаемый в депеше от 22 января, или приведенная у Милюкова сцена беседы шведского дипломата с В.Н.Татишевым о шведской форме правления), могли только подогревать и стимулировать эти мнения. Обратимся теперь к реальным документам эпохи — основным шляхетским проектам.

После работ Г.А.Протасова можно утверждать, что нам известны все 7 дворянских проектов 1730 г. с учетом порядка их появления, времени составления и круга авторов. Все они не раз публиковались и комментировались, хотя до сих пор отсутствует единое научное издание комплекса сохранившихся документов о событиях 1730 г.⁶⁴ Такая работа тем более необходима, что существующие публикации порой неверно указывают авторство документов и содержат ошибки в передаче текста (в том числе и у самого Г.А.Протасова).

Из всех 7 проектов наибольшее значение имеют два. Первый из них, известный как «проект 361», был подан в совет 5 февраля 1730 г. за подписями 28 персон генеральского ранга; два других, идентичных по содержанию, экземпляра были подписаны остальными участниками, которых на самом деле было не 333, а 336, так что далее мы будем его называть «проектом 364».⁶⁵ Второй — «проект 15» — был составлен по предложению самого Верховного Тайного совета группой высших чинов, не согласных с первым проектом, и также официально принят 7 февраля.

Прочие (т.н. «проект 13», «проект 25», «мнение И.А.Мусина-Пушкина» и «проект 5») либо не принимались Верховным Тайным советом, либо не содержали ничего принципиально нового по сравнению с двумя первыми. «Проект 13» предполагал увеличение состава Совета до 15 человек и образование дворянского собрания из 80 человек, призванного избирать кандидатов на высшие должности; «проект 25» — соответственно до 16 и 100 вместе с расширением Сената до 21 члена. В «проекте 5», поданном статским советником С.А.Колычевым, речь шла только об увеличении Совета до 15 членов. Единственным новым предложением в «проекте 13» было «сделать различие между старым и новым шляхетством»; И.А.Мусин-Пушкин в своем «мнении» просил выбирать в высший орган государственной власти только «ис фамильных и генералитета и из знатного шляхетства».⁶⁶ Как доказал Г.А.Протасов, т.н. «проект Татищева» можно исключить из этого ряда.⁶⁷

Оба «главных» проекта близки по форме. Оба они не касаются самого принципа происхождения верховной власти и определения сферы ее компетенции; оба состоят из двух четко выделенных разделов: в первом указывается порядок формирования и деятельности высших государственных органов, второй перечисляет социальные требования «шляхетства».

Содержание второго раздела, по существу, идентично в документах и содержит основные чаяния служилого сословия, пережившего годы тяжелой войны и реформ. Это, во-первых, отмена закона о единонаследии

1714 г.; во-вторых, определение сроков дворянской службы и неназначение дворян в качестве рядовых солдат и особенно матросов. Оба проекта требуют «порядочного произвождения» дворян и содержат пожелания «облечения» положения духовенства и купечества. В «политическом» разделе одинаково звучат предложения об «общем совете» высших органов власти («Вышнего правительства» в «проекте 364» и Верховного Тайного совета с Сенатом — в «проекте 15») с генералитетом и шляхетством при составлении законов («уставов») и принятии важнейших решений «к государственной и общей пользе».

Принципиальная разница между проектами заключается в подходе к формированию состава этой верховной власти. «Проект 364» предлагал создание «Вышнего правительства» из 21 «персоны». Другое принципиальное положение определяло порядок выборов «Вышнего правительства», Сената, губернаторов и президентов коллегий: «Выбирать и балатировать генералитету и шляхетству, ... а при балатировании быть не меньше ста персон».

«Проект 15» по первому пункту предполагал сохранение Верховного Тайного совета при увеличении его состава до 12–15 человек; по второму — проведение выборов кандидатов в члены Совета особым собранием в «70 персон», но при этом утверждение одного из трех кандидатов передавалось самому Совету. В вопросе о пополнении Сената и назначении губернаторов и президентов авторы проекта явно колебались — выбирать или опять-таки передать это дело на «рассмотрение» Верховного Тайного совета, — и допускали оба варианта: «Выбор в Сенат и в президенты коллежские и в губернаторы передаетца в волю и рассмотрение Верховного Тайного совета или обществом выбрав балантировать».

Таким образом, «проект 364» предполагал фактическую ликвидацию Верховного Тайного совета в его прежнем качестве и составе, поскольку при выдвижении кандидатов предлагалось «более одной персоны из одной фамилии не выбирать». Запрещалось наличие в «Вышнем правительстве» и в Сенате «более двух персон из одной фамилии» — правда, с оговоркой: «кроме обретающихся ныне»; но и при таком раскладе кому-то из трех Долгоруковых пришлось бы «Вышнее правительство» покинуть. Затем новое устройство подразумевало образование особого собрания, которое бы определяло назначения на ключевые должности в системе управления. Второй проект представлял собой явный компромисс с существовавшим порядком и оставлял за Верховным Тайным советом контроль за назначениями на важнейшие посты, включая формирование самого Совета.⁶⁸

При беглом взгляде на «прожекты» с точки зрения нашего современника, отчасти знакомого с проблемой становления более либеральной политической системы, нельзя не заметить непроработанности предлагавшихся решений сложнейших проблем. Как, например, можно и нужно было организовать выборы в собрание из 70 или 100 «персон» по всей стране? Кто мог избирать и избираться? Перед кем такой избранник отвечал бы? Какие именно вопросы были бы в компетенции такого собрания и как его деятельность сочеталась бы с практикой «общего совета» с

генералитетом и шляхетством? Как разграничивались бы его полномочия с «Вышним правительством» и императором, о котором проекты вообще не считали нужным упоминать?

По-видимому, подобное отношение рассердило в свое время В.О. Ключевского. Но каков же был уровень политической «грамотности» у самих «верховников»? С самого конца января и в первых числах февраля Верховный Тайный совет занимался составлением своего настоящего плана реформ. Этот план, или «проект формы правления», сохранился в трех последовательно составлявшихся редакциях вместе с черновыми заметками. Г.А. Протасов исследовал историю его подготовки и пришел к выводу, что «проект» представлял собой попытку выработки компромисса с наметившейся оппозицией и при большей активности со стороны Совета «мог стать конституцией» России.⁶⁹

Действительно, «верховники» соглашались на расширение своего состава путем выборов, признавали выборный принцип замещения постов сенаторов и президентов коллегий и созыв представителей сословия для решения «новых и важных дел». Дворянам было обещано производство по «заслугам и достоинству», освобождение от службы в солдатах и матросах и жалование «без задержания». Духовенству (т.е. Синоду и архиереям) возвращались «по-прежнему» вотчины с уничтожением петровской Коллегии экономии. «Приказным людям» Верховный Тайный совет обещал производство в чины «по знатным заслугам»; купцам — «в торгах иметь им волю»; солдатам и матросам — жалование вместе «с протчим удовольствием», а крестьянам — столь же неопределенно «податями сколько можно облечь».

Однако рассмотрим внимательнее ключевые 1, 3 и 4-й параграфы итоговой третьей редакции этого документа. Члены Верховного Тайного совета с трудом согласились увеличить его состав: единственная черновая помета в беловом экземпляре — это вписанные на полях цифры «7 + 5» в первом параграфе, касающемся состава и пополнения членом Совета.⁷⁰ Но при этом предельно ограничивался круг выборщиков: ими являлись только сами «верховники» вместе с Сенатом; в окончательном варианте исчезло предполагавшееся в первой черновой редакции расширение этого круга за счет президентов коллегий и генералитета.⁷¹

Второй параграф предлагал для обсуждения особо важных дел собирать Сенат, генералитет, «коллежских членом» и «знатное шляхетство»; но порядок созыва этого собрания и рамки его компетенции никак не оговаривались. Количество мест в Сенате «верховники» так и не указали: в беловом тексте оставлено для него пустое место, хотя в черновой заметке оно определено в 11 человек. Но зато были четко обозначены его подчиненное положение — «для вспоможения» Совету и принцип комплектования — исключительно из «персон» не ниже действительного статского советника (т.е. IV класса по «Табели о рангах»).

Параграф 4 утверждал выборы президентов коллегий и руководителей других ведомств с оговоркой, что кандидаты «выбираны да будут из фамильных людей, из генералитета и из знатного шляхетства». Выбирать, очевидно, должны были те же знатные сенаторы вместе с членами Совет

та — иных выборщиков документ не предлагал. Выборы губернаторов не указывались: в тексте стоит общая фраза об избрании «в протчие управления», которая могла иметь любые толкования. В конце этого параграфа авторы документа еще раз подчеркнули: «Особливо старые и знатные фамилии да будут иметь преимущества и снабдены быть имеют рангами и к делам определены по их достоинству».

Это было все, что Верховный Тайный совет мог бы предложить оппозиции к концу первой недели февраля — через три недели томительного ожидания. Нам кажется, что Г.А. Протасов был излишне оптимистичен в оценке достоинств этой программы. Она не просто закрепляла гарантии для членом Совета (на это были готовы и оппозиционеры), но в случае ее реализации:

а) сохранялось исключительное положение самого Совета с зависимым от него Сенатом;

б) «выборы» в Верховный Тайный совет, Сенат и на другие посты становились бы «внутренним» делом членом этих двух учреждений при исключении кандидатов ниже IV ранга, да еще с публично провозглашенным преимуществом «старых и знатных фамилий»;

в) сохранялась жесткая централизация управления, поскольку созыв и полномочия дворянского собрания (опять с преимуществом для «знатного шляхетства») не оговаривались; умалчивалось и о выборах местных властей; не затрагивался вопрос об отмене обязательной и бессрочной службы дворян и петровского указа о единонаследии («верховники» не отреагировали на ясно выраженное в проектах общее пожелание его отмены).

При этом сопоставление белового варианта документа с подготовительными говорит, что ход мыслей его авторов шел не в сторону смягчения своей позиции, а как раз наоборот. Таким образом, плод размышлений и поисков «верховников» являлся не столько компромиссом, сколько отказом от него по всем важнейшим пунктам. Оглашение такого плана в условиях оппозиции, которая явно превосходила соглашавшихся с предложенной системой власти и по количеству, и — главное — по «качеству» подписей, было неразумно. Вопреки мнению Корсакова, он не был обнародован и навсегда остался в бумагах Совета.

Таким образом, проблема т.н. «плана Голицына» и изучения проектов переходит в плоскость анализа политического сознания тех слоев российского шляхетства, которое собралось в Москве в январе 1730 г.

«Общенародие» 1730 г.

В 1869 г. М.Н. Лонгинов опубликовал список членом «генералитета» по рукописи П.Ф. Карабанова. Этот список послужил предметом исследования Б.Михан-Уотерс о российской правящей элите. Ей удалось в ряде случаев дополнить биографические данные перечисленных в нем лиц I–IV классов и определить имущественное положение многих представителей знати; в таком обновленном виде этот перечень опубликован в ее книге, хотя и с неточностями.⁷²

Нас этот список интересует в основном с точки зрения участия поименованных в нем лиц в событиях 1730 г. В этом смысле он нуждается в неко

торой корректировке, поскольку у ряда лиц в нем указаны позднее полученные чины. При обращении к опубликованному комплексу материалов Верховного Тайного совета за 1728–1730 гг. и хранящемуся в РГВИА «Списку генералитету и штаб-офицерам» 1729 г. можно представить себе реальный состав генералитета на начало 1730 г.⁷³ Сравнение списка военных и штатских генералов с подписями под сохранившимися проектами дает возможность выявить круг участников интересующих нас событий.

Итак, из числа генералов следует исключить умерших в 1728–1729 гг. генерал-лейтенанта И.М.Лихарева и генерал-майора В.И.Корчмина. Не имели в начале года генеральских рангов бригадиры С.Т.Греков, С.В.Секиотов, М.Ю.Мещерский, бывший секретарь Кабинета И.А.Черкасов, полковники А.Ф.Бредихин и И.И.Бахметев, статские советники Г.Фик и А.Ю.Бибиков, капитан флота В.А.Урусов, подпоручик гвардии П.С.Салтыков и адъютант фельдмаршала Голицына А.Д.Голицын. Наконец, в 1723–1727 гг. были осуждены с лишением всех чинов и сосланы А.М.Девьер, Г.Г.Скорняков-Писарев, И.И.Бутурлин, любимец Меншикова генерал-лейтенант А.Я.Волков и родственник князя, тайный советник В.М.Арсеньев.

Зато в список необходимо внести 3 генерал-майоров, пропущенных у М.Н.Лонгинова и В.Михан-Уотерс: Х.Манштейна, И.Менгдена и П.Гасениуса. Нет полной уверенности в наличии генеральского статуса у придворных – И.А.Долгорукова, камергеров Р.Левенвольде, С.В.Лопухина, Ф.Балк-Полева, С.Д.Голицына; неясен на данный момент и ранг посланников и камергеров А.П. и М.П.Бестужевых-Рюминых, что неудивительно при отсутствии в это время четкого порядка классификации придворных чинов по «Табели о рангах». Но если оставить в генеральских рядах все эти кандидатуры, то получается в итоге 166 человек.

Затем из этого количества следует исключить послов (братья Бестужевы-Рюмины, Н.Ф.Головин, А.Г.Головкин, И.А.Щербатов, Л.Ланчинский); генералов, находившихся в Петербурге, при полках и в Низовом корпусе в Иране (по докладам главнокомандующих и расписаниям полков); морских чинов Адмиралтейства; иностранцев на русской службе, в большинстве своем армейских генералов и адмиралов, включая сюда дипломата С.Владиславича-Рагузинского, братьев Блюментростов, грузинского царевича и генерал-лейтенанта артиллерии Бакара Вахтанговича, гетмана Украины Д.Апостола. Далее – находившихся по месту службы губернаторов и вице-губернаторов (И.Я.Дупре в Смоленске, А.П.Волынский в Казани, Ю.Ю.Трубецкой в Белгороде, Ф.Н.Балк в Риге, С.Ф.Мещерский в Архангельске, Г.А.Урусов – комендант Петербурга).

Всего таких чинов, русских и иноземцев, пребывавших на службе за пределами Москвы и за границей, мы насчитали 73. Остаются, таким образом, 92 представителя правящей российской элиты; из них имеющиеся в нашем распоряжении подлинные проекты 1730 г. подписывали 50 человек, и еще 6 участвовали в «деле» 25 февраля и ставили свои подписи под двумя прошениями к Анне. Вместе с членами Верховного Тайного совета и арестованным Ягужинским это составляет 64 человека – 69 % от числа тех, кто мог присутствовать в Москве зимой 1730 г.

Реально процент участвовавших должен быть еще выше: в Москве могли отсутствовать «отставники» – генерал-лейтенант Г.С.Кропотов, П.П.Шафиров, действительный статский советник А.И.Дашков. Неизвестно, где в это время находились генерал-майоры В.С.Аракчеев и В.П.Шереметев. Скорее всего, в ссылке в деревне пребывали адмирал А.Л.Нарышкин и изгнанный из Сената в 1728 г. Ю.С.Нелединский-Мелецкий.

На основании протоколов и бумаг Верховного Тайного совета 1730 г. можно утверждать, что в Москве в феврале 1730 г. были, но никаких проектов не подписывали: генерал-лейтенант М.И.Леонтьев, генерал-майоры И.В.Панин, И.Колтовский и А.Б.Бутурлин, адмиралтеец В.А.Дмитриев-Мамонов, отставной московский генерал-губернатор И.Ф.Ромодановский, сенаторы А.Л.Плещеев, И.Г.Долгоруков и М.М.Голицын-младший, брат фельдмаршала М.В.Долгоруков, секретарь Верховного Тайного совета В.С.Степанов и дядя новой императрицы кравчий В.Ф.Салтыков; это, кстати, не исключает их участия в обсуждении, не оставившего следов в известных нам документах. Таким образом, как минимум 2/3, а скорее всего – с учетом отсутствовавших в тот момент в Москве – 3/4 из числа генералитета приняли участие в обсуждении нового политического устройства страны, что, в общем, понятно: это устройство прежде всего затрагивало их судьбы, чины и карьеры. Большинство из этого круга, как установила Б.Михан-Уотерс, вышло из рядов «высшего служилого класса» допетровской эпохи с отчетливыми предствлениями о своем праве на участие в управлении страной.

На другом полюсе – подписи под самым массовым «проектом 364». Если исключить из них 31 генеральское имя (28 подписей под основным, поданным в Верховный Тайный совет экземпляром плюс подписи В.Ю.Одоевского, С.А.Алабердеева и С.Г.Нарышкина в другой копии), то остаются 329 человек в одном экземпляре и еще 4 в другом. Их имена представляют все слои тогдашнего российского шляхетства – от членов почтенных боярских родов до вчерашних разночинцев и «выдвиженцев» петровской эпохи.

Продолжая наблюдения Д.А.Корсакова над их «биографическими справками» с помощью изданных документов (протоколов Верховного Тайного совета, описи Сенатского архива, списков придворных чинов⁷⁴), мы обратились и к таким не использованным ранее источникам, как учетные документы о служащих и отставных дворянах Сената, Герольдмейстерской конторы и Военной коллегии, а также к делопроизводству гвардейских полков.⁷⁵

Д.А.Корсаков определил статус 161 из подписавшихся под этим главным из шляхетских проектов, хотя в некоторых случаях неверно идентифицировал подписи.⁷⁶ В результате нашего исследования на сегодняшний день мы располагаем сведениями о чине 318 (87 %), служебном положении 303 (83 %), возрасте 185 (51 %) и имущественном положении 153 (42 %) из подписавшихся под «проектом 364» лиц.⁷⁷ Это позволяет нам уточнить сделанные ранее (на основе данных Корсакова и опубликованных протоколов Верховного Тайного совета) выводы, приведенные в нашей статье 2001 г.⁷⁸

Эти данные дают возможность представить, так сказать, «коллективный портрет» участников «проекта 364». Половина (58 %) из 318 человек с

известным нам чином составляют среднее звено по Табели о рангах: полковники и коллежские советники (11 %), подполковники (11 %), майоры и коллежские асессоры (16 %), капитаны (20 %). 69 % из лиц с известным возрастом (127 из 185) составляют люди зрелые и пожилые (51 человек в возрасте 41–50 лет и 76 в возрасте 51–60 лет). Почти половина из тех, данными о чьем землевладении мы располагаем (73 человека из 153), обладали имениями с количеством крепостных от 101 до 500 душ, у 32 человек было более 500 душ, у 39 – менее 100 душ, у 9 человек вотчин не было.

В итоге можно сделать вывод о том, что в январе-феврале 1730 г. оппозицию Верховному Тайному совету составляли те, кто являлся «становым хребтом» российской государственности – опытные и зрелые (с осторожностью можно сказать, что и не самые бедные) офицеры и чиновники, занимавшие преимущественно средние командные должности в армии и государственном аппарате. Заметно меньше представлена дворянская молодежь, зато достаточно высока доля отставных – 26 % (78 из 303 участников с известным служебным положением).

Большинство из них – старые служивые, прошедшие огонь, воду и медные трубы петровского царствования. Это посланные в свое время за границу «пенсионеры», капитаны и лейтенанты только что созданного флота (И.Кошелев, Ф.Соймонов, В.Урусов); боевые офицеры, закончившие свою карьеру переходом из полковников и подполковников на должности воевод и комендантов (А.Ю.Бибиков, С.М.Козловский, И.Чичерин, В.Волков, Н.Львов, С.Д.Потемкин, И.Яковлев, В.Ртищев, И.М.Вяземский), чиновников Сената (Ф.Гурьев), в полицию (П.Улыбышев, М.И.Мещерский), в новые коллегии (А.Т.Ржевский, В.Батулин).

Иные уже получили отставку (бригадиры И.Г.Безобразов, А.Г.Киселев, В.С.Хлопов, В.Ф.Стремоухов, полковники А.Г.Маслов, В.М.Лихарев, П.Е.Вельяминов, Н.И.Нащокин, Г.И.Овцын; подполковники Т.Р.Дуров, С.К.Крюков, Я.Баскаков, В.С.Волконский; майоры Е.И.Тарбеев, А.Д.Воронин, А.Я.Дохтуров, И.Д.Дубровский; капитаны В.М.Аристов, М.М.Панов, И.А.Свищов, П.Л.Ермолов, вице-губернатор Сибири А.Петрово-Соловово, подпоручик М.А.Хитрово, мичман М.Волконский). Среди таких ветеранов выделяются В.Лутовинов, занимавший воеводские посты с 1696 г., и приказный дьяк с 1680 г. Л.Нечаев.

В том же списке рядом стоят имена бывших денщиков Петра I из его «потешных» солдат И.Веревкина и В.Нелюбохтина и попавших в его царствование в опалу бывшего петербургского вице-губернатора Я.Римского-Корсакова и сосланного еще в 1693 г. П.Неплюева. Подписали проект уволенный от дел «в наказание» судейский чиновник И.Отяев; находившиеся в Москве «под счетом» (т.е. на проверке их финансовой отчетности) майор А.Петров и капитаны И.Палибин и П.Дурново и угодивший под следствие асессор И.Неелов.

Вместе с ними в центр событий попали вызванные на смотр армейские офицеры, прикомандированные к различным учреждениям: полковник М.Скарятин, подполковник П.Соковнин, майоры И.Бибииков и В.Губарев, капитаны С.Любученинов, Г.Стрекалов, Е.Мазовский; поручик И.Свечин; прапорщики С.Болтин и И.Ушаков. Так же оказались в Моск-

ве и другие «командированные»: назначенные Сенатом «нарочные» в губернии и провинции для скорейшего сбора недоимок: бригадиры О.И.Щербатов, И.М.Волынский и А.И.Чернышев; полковник И.Лутковский, майоры И.Орлов и Н.Кондырев, капитан В.Мещерский, «жилец» И.Арсеньев, стольник А.Я.Львов, адъютант С.Я.Львов.⁷⁹

Ожидали назначения оставшиеся «не у дел» бывшие прокуроры – капитан А.Жолобов и майор И.Чевкин. Проект изменения политического строя империи, уничтожавший реальную власть императора, подписали чины московской полиции – обер-полицеймейстер И.Поздняков, майоры П.Улыбышев и В.Губарев, советник А.Зыбин, подпоручик М.Мещерский. Вместе с ними подписи поставили молодые, начинающие карьеру придворные: камергеры А.А.Черкасский, камер-юнкеры Б.Г.Юсупов, Ф.Каменский, Л.Кайсаров.

Иностранные дипломаты отметили в самом начале событий появление «партий» других претендентов, но позднее об их участии не упоминали. Это не случайно: представители названных «партий» также влились в ряды оппозиции. Обер-гофмаршал царицы-инокини Евдокии И.П.Измайлов вместе со своими родственниками примкнул к компромиссному «проекту 15»; «проект 364» подписали гофмейстер двора Екатерины Мекленбургской В.М.Еропкин, шталмейстер царицы Евдокии А.Ф.Лопухин, сторонник «голштинского принца» И.И.Бибииков и придворные Елизаветы – обер-гофмейстер ее двора С.Г.Нарышкин, гофмаршал Г.А.Петрово-Соловово, мундшенк Ф.Нестеров. Рядом со старинными чинами «стольников» и «жильцов» подписи ставили представители иного поколения: обучавшийся в Париже инженерному искусству «трезорье» Академии наук (и информатор французского посольства) А.Юров и «архитектурного и шлюзного дела мастер» И.Мичурин, только что успешно сдавший экзамен по новой профессии.

Такое смешение имен, чинов, карьер, поколений, знатности и «подлости» делает крайне затруднительным однозначный ответ на вопрос о побудительных мотивах его участников и их действительном отношении к открывшейся перспективе изменения политической системы страны. Определенно можно отметить только отраженное практически во всех проектах осознание сословных шляхетских интересов, а также осторожно предположить, что, судя по известным нам данным, наиболее активными среди обсуждавших и подписывавших проект были представители как раз старшего поколения, больше интересовавшегося «политикой».

Авторитетом и чинами «отцов», возможно, руководствовались и «дети»; так, среди подписей можно встретить до 5 представителей разных поколений фамилий: 5 Ржевских и Мещерских, 4 Хитрово, 3 Лихаревых, Зыбиных, Татищевых, Сабуровых, Ходыревых, Львовых, Несвицких.

Следующий вывод, который можно сделать при анализе состава подписавших основные проекты (оппозиционный «проект 364» и компромиссный «проект 15»), – о явно наметившемся расколе правящего круга и близких к нему по служебному статусу лиц по ключевому вопросу о численном и персональном составе высшего органа государственной власти и способе его формирования.⁸⁰

В числе членов Верховного Тайного совета находились два российских фельдмаршала. «Примирительный» по отношению к замыслам «верховников» проект подписали 1 «полный» генерал (М.А.Матюшкин), 1 генерал-лейтенант (И.И.Дмитриев-Мамонов) и 5 генерал-майоров, находившихся на придворной, административной и гвардейской службе: Л.В.Измайлов (гвардеец-дипломат и зять фельдмаршала М.М.Голицына), И.М.Шувалов (обер-комендант Выборга), П.В.Измайлов (в отставке), И.П.Измайлов (обер-гофмаршал Евдокии) и Д.Ф.Еропкин (обер-комендант Москвы). Именно лиц из этого круга (И.И.Дмитриева-Мамонова, Л.В.Измайлова) Д.М.Голицын посвятил в свои планы в ночь на 19 января, когда составлялись «кондиции».

На стороне их противников оказался весь наличный «русский» состав армейского командования: 3 генерал-лейтенанта (Г.П.Чернышев, А.И.Ушаков, Г.Д.Юсупов) и 6 генерал-майоров — И.Ф.Барятинский, А.И.Тараканов, С.И.Сукин, И.И.Бибиков, А.И.Шаховской, С.Л.Вельяминов. При этом большинство из них были до недавнего времени настоящими «полевыми» генералами. В 1730 г. С.И.Сукин являлся генерал-провиантмейстером, И.Ф.Барятинский и И.И.Бибиков представляли Военную контору в Москве, а Г.Д.Юсупов вместе с также подписавшим проект бригадиром С.Л.Игнатьевым и казначеем А.Ю.Бибиковым были первыми лицами Военной коллегии. Таким образом, недоверие к планам «верховников» выразили руководители военным ведомством и прямо подчиненные по «команде» фельдмаршалу Долгорукову А.И.Ушаков и И.Ф.Барятинский.

На стороне «оппозиции» оказались трое из шести сенаторов — И.Г.Головкин, В.Я.Новосильцев, А.М.Черкасский; к ним примкнул член Сенатской конторы в Москве П.И.Мусин-Пушкин, а его отец подал в Совет свое особое мнение. «Верховников» поддержали лишь один сенатор — И.П.Шереметев — и зависимый от них обер-прокурор Сената М.Ф.Воейков.

Далее среди подписавших «проект 364» мы находим президента Берг-коллегии А.К.Зыбина, президента Камер-коллегии А.В.Макарова (вместе с советником той же коллегии И.Сафоновым), президента Вотчинной коллегии М.А.Сухотина (вместе с советником А.Г.Комыниным), только что снятого «верховниками» с поста президента Ревизион-коллегии и направленного в Сибирь И.И.Бибикова (вместе с советником Ф.Барятинским), руководителя Доимочной канцелярии И.Н.Плещеева, главу второго отделения Синода и его обер-прокурора А.П.Баскакова; трех советников Юстиц-коллегии — П.В.Квашнина-Самарина, А.Т.Ржевского и Е.И.Мусина-Пушкина; возглавлявшего Оружейную и Мастерскую палаты В.Ю.Одоевского. Таким образом, можно утверждать, что в рядах оппозиции оказалось руководство не только армии, но и центрального государственного аппарата.

Наконец, рядом с высокопоставленными чиновниками и генералами в рядах оппозиции выступили придворные — камергеры А.Г.Строганов, С.Г.Нарышкин, С.В.Лопухин; старый обер-гофмейстер Петра I и Екатерины I, бывший глава Дворцовой канцелярии М.Д.Олсуфьев и ее нынешний директор гофмейстер А.Елагин. На стороне «верховников» можно назвать только обер-шенка А.М.Апраксина, бывшего обер-гофмейстера Анны Иоанновны П.М.Бестужева-Рюмина и члена Дворцовой канцелярии П.Т.Савелова.

Среди перечисленных военных и «статских» чинов не хватает пока одной существенной для дальнейшего понимания событий группы — гвардии. Многие исследователи без сомнений принимали сообщение т.н. «записки» Татищева о том, что копию его проекта подписал 51 гвардейский обер-офицер.⁸¹ Основанием для этого, возможно, послужила опубликованная еще в 1871 г. приписка к копии «проекта 364» в публикации К.Н.Бестужева-Рюмина: «В такой силе мнение объявлено лейб-гвардии Семеновского полка от штаб и обер-офицеров», — хотя не указано ни самого этого «мнения», ни количества офицерских подписей.⁸²

Как уже говорилось, «проект Татищева» — это и есть «проект 364». Источник же публикации 1871 г. также теперь известен: это копия «проекта 364» из бумаг А.П.Вольнского, содержащая указанную приписку. От поданного в Верховный Тайный совет текста она отличается несколькими дополнениями, которые как раз касаются военной службы. В копию добавлены пожелание скорее рассмотреть вопрос о дворянах, служивших рядовыми в армии и на флоте, и последний, десятый пункт: «Которые офицеры и салдаты за раны и за старостью отставлены будут от службы, а собственного своего пропитания не имеют, оным надлежит учинить рассмотрение и о награждении им пропитания».⁸³ Кто и когда включил эти дополнения в данный текст — неизвестно; но очевидно, что их вполне могли одобрить как гвардейские, так и армейские офицеры и солдаты-дворяне.

Но вот с гвардейскими подписями ситуация иная. В списке лиц, подписавших под главными «проектом 364» и «проектом 15», можно заметить фамилии видных гвардейских офицеров: подполковников Преображенского полка И.И.Дмитриева-Мамонова и Г.Д.Юсупова, майоров А.И.Ушакова и М.А.Матюшкина, майора Семеновского полка Л.В.Измайлова. Но они-то как раз подписывали проекты в качестве представителей генералитета; некоторые из них, как А.И.Ушаков и М.А.Матюшкин, только числились по полку и находились при других «командах».

Мы обратились к архивам гвардейских полков в фондах РГВИА, где сохранились послужные списки офицеров Семеновского полка за 1730 г. и Преображенского полка за 1727 и 1728 гг., список штаб-, обер- и унтер-офицеров Преображенского полка за 1731 г., подборка «именных указов и повелений» по Преображенскому полку за 1729 г. и приказы по Семеновскому полку за 1730 г.⁸⁴ В РГАДА нами обнаружен еще один список офицеров-преображенцев за 1727 г., а также доклады и рапорты по обоим полкам за 1730 г.⁸⁵ Эти источники дают возможность установить офицерский состав обоих полков на момент интересующих нас событий.

Сравнение этих полковых документов со списком подписей под проектами и опубликованным комплексом документов Верховного Тайного совета показывает, что в числе подписавших находились вчерашние гвардейцы, переведенные на статскую службу или в армию (капитаны А.Г.Комынин, А.Ф.Бредихин, И.Т.Сафонов, А.И.Шаховской, И.М.Шувалов, капитан-поручик В.Нелюбохтин; сержанты П.Мансуров и С.А.Нестеров, капралы А.Мякинин, В.Писарев, И.Арсеньев и А.Вяземский); отставники (капитан-поручики Д.С.Ивашкин, Б.В.Мещерский, Ф.П.Солнцев-Засекин, поручики

С.А.Головин, А.Ф.Микулин и Ф.Новокшенов; сержант А.Матов) или состоявшие в полку офицерами «сверх комплекта» чиновники и придворные (капитаны С.Г.Нарышкин, П.И.Мусин-Пушкин, И.И.Бибииков, фендрик Н.Ю.Трубецкой).

Со строевыми же офицерами картина получается другая. По Преображенскому полку с уверенностью можно говорить только о наличии в числе подписавших «проект 364» подпоручика Н.П.Щербатова, прапорщиков П.С.Колычева и П.И.Головина и капрала А.С.Зиновьева. В отношении семеновцев сказать точно сложнее. Возможно, подписавшие проект без указания чина и отчества Василий Линева и Степан Телепнев являются одними лицами с одноименными капитан-поручиком и поручиком.⁸⁶ Кроме того, семеновский сержант Никита Хованский подписал «проект 13» вместе с сыном князя Д.М.Голицына Алексеем; но неизвестно, являлся ли в то время последний одноименным сержантом того же полка.

Даже если считать всех названных выше офицеров на действительной службе, то количество их подписей никак не соответствует утверждению Татищева и сообщению приписки к копии «проекта 364» из «дела» Волынского. Реально имеющиеся в нашем распоряжении подписи говорят, что в обсуждениях и подписании проектов активно участвовала гвардейская верхушка и некоторые вчерашние гвардейцы, опять-таки отслужившие свое люди старшего возраста.⁸⁷ Движение не затронуло основную массу гвардейских офицеров и солдат, тем более что как раз зимой и весной 1730 г. в гвардию прибывало пополнение из числа отличившихся рядовых и унтер-офицеров армейских полков, и многочисленных новичков распределяли по ротам.⁸⁸

Впрочем, справедливо ли будет считать и других подписывавших разные проекты генералов, офицеров и чиновников убежденными сторонниками политических преобразований? В оппозиции к «верховникам» оказались и оттесненные от власти представители высшей знати и генералитета, и недовольные или обиженные правителями — как отправленный ими на губернаторство в Сибирь И.И.Бибииков или не сумевший удовлетворительно сдать свой финансовый отчет генерал-провиантмейстер С.И.Сукин. С другой стороны, к компромиссу с «верховниками» склонялись зависимые от них чиновники, как обер-прокурор Синода Ф.М.Войков или «отставленный» фаворит Анны П.М.Бестужев-Рюмин, находившийся под следствием по обвинению в растрате ее средств и плохом управлении ее имениями.

Убеждения подписавшихся под проектами знатных и незнатных «персон» трудно подогнать под какие-либо общие рамки. Мнение о том, что в 1730 г. имели место исключительно «традиционная клановая политика», также представляется несколько односторонним.⁸⁹ Чтобы доказать или опровергнуть суждение о том, что «проект 364» вышел из «родственно-клиентской сети» Нарышкиных и Салтыковых, необходимо более или менее точно установить состав этих самых «сетей», что при современном уровне наших знаний и состоянии документации дворянских фамильных архивов едва ли возможно.

Так, например, сопоставление подписей под проектами и прошениями 1730 г. как будто подтверждает тезис Д.Ле Донна о сопротивлении «верховникам» со стороны Черкасских и связанных с ними родством Мусиных-Пушкиных и Трубецких, которые, в свою очередь, были близки к Салтыковым и Головкиным, а также к И.Ф.Барятинскому и П.И.Ягужинскому.⁹⁰ На основании уже имеющихся исследований можно продолжить такие наблюдения — на примере семейства Ржевских.⁹¹

С другой стороны, «клановый» принцип не всегда являлся решающим в выборе позиции. Брат генерал-адмирала Ф.М.Апраксина А.М.Апраксин поддерживал соглашение с «верховниками», а его сын Ф.А.Апраксин стал одним из участников переворота 25 февраля, лишившего их власти. Дети князя Д.М.Голицына также участвовали в обсуждении и подписали особый компромиссный «проект 13». Но его младший брат сенатор М.М.Голицын и представители другой ветви того же рода — дети Б.А. и П.А.Голицыных — никак себя не проявили в развернувшейся борьбе. Так же не заметно никакой родовой солидарности среди, казалось бы, кровно заинтересованных в исходе дела Долгоруковых: мы не видим среди участников событий ни бывшего фаворита, ни сенатора И.Г.Долгорукова, ни кого-либо из многочисленного младшего поколения этой фамилии (а среди них было несколько гвардейских офицеров⁹²).

Другие историки не случайно подчеркивают «эффемерность» таких родственно-политических отношений, которые «использовались, когда это было выгодно, и забывались, когда это становилось политически целесообразно».⁹³ Да и возможно ли сейчас точно «просчитать», какой именно из факторов оказал решающее влияние на поступки той или иной фигуры? Все же попытаемся, исходя из доступных нам источников, представить себе мысли и убеждения «шляхетства» образца 1730 г.

«Время, чтоб самодержавию не быть» (уровни политического сознания шляхетства)

Последующее «восприятие» самодержавия и годы царствования Анны скорректировали изображение событий 1730 г. очевидцами. Так, генерал (в описываемое время подпоручик) В.А.Нащокин вспоминал: «А когда всемиловитившая соизволила прибыть в Москву с публичным восшествием, тогда подана была князем Алексеем Михайловичем Черкасским челобитная от всего шляхетства, чтобы ее императорское величество изволила принять самодержавство так, как предки ее величества, что от того времени и восприято, и все подданные поздравили».⁹⁴ При этом автор знал об интриге Ягужинского и миссии Сумарокова, но рассказать больше не считал нужным — или и вправду полагал на склоне лет все происходившее не слишком существенным эпизодом. По воспоминаниям Джеймса Кейта, «как только дворяне добились того, чтобы дух императрицы был способен к тем же предприятиям, что были свойственны ее дяде, они поднесли ей прошение, излагавшее их недовольство вновь устроенным правлением и призывавшее ее величество принять тот же суверенитет, что и ее предки».⁹⁵ В изображении другого современника (хотя и

не очевидца), генерала Миниха, уже сама Анна вызвала к себе членов Совета и приказала «вручить ей акт отречения от самодержавия», после чего «кротко, но с твердостью» порвала его.⁹⁶

Не стоит буквально воспринимать и «энтузиазм» донесений дипломатов по поводу «освобождения от ужасного рабства» как прямое отражение чувств и мыслей их российских знакомых.

Для французских дипломатов установление «аристократической республики» означало «стремление возвратиться назад, к своему прежнему положению и к своим старинным обычаям», что привело бы, в свою очередь, к ликвидации неудобного для Франции русско-австрийского союза. В том же видел «добрые последствия» сложившейся ситуации и английский консул: «Русский двор не в состоянии будет вмешиваться в иностранные дела, как он вмешивался в последние годы».⁹⁷

Представитель союзной Саксонии Лефорт как раз опасался возвращения России «в прежнее состояние», Вестфален — «унижения российских сил» и последующей опасности шведского реванша для Дании и самой России. И для других «немцев» на русской службе также было характерно убеждение в том, что отказ от петровской «формы правления» был бы опасен для страны. Шотландец и генерал-майор русской службы Джеймс Кейт вместо того, чтобы радоваться возможности учреждения более демократической политической системы, считал замыслы ограничения монархии «пагубными» и совершенно неуместными для России с ее «духом нации и огромной протяженностью империи».⁹⁸

Впрочем, уже через неделю первые впечатления дипломатов стали корректироваться: практически все они отметили дифференциацию суждений и начавшееся сопротивление планам «знатных» или «вельмож» ограничить монархию. Все известные нам посольские донесения на второй-третьей неделе от начала событий отразили обеспокоенность подобными планами со стороны «мелкого дворянства», которое, по словам Мардефельда, «желает себе лучше одного правителя, чем восьмерых».⁹⁹

Если судить о настроениях российского дворянства только по приведенным выше оценкам, то они как будто подтверждают официальную версию событий о немногочисленных «олигархах» и верноподданном «шляхетстве». На деле же ситуация была более сложной. Многие, действительно, не знали ничего определенного об обстоятельствах избрания Анны, сделанных ей предложений и дальнейших планах правителей и выражали свое недовольство непонятными и подозрительными действиями «верховников». Вместе с тем мы располагаем сведениями об обсуждении «кондиций» в кругу бюрократии среднего уровня.

Через год после описываемых событий началось следствие по делу вице-президента Коммерц-коллегии статского советника Генриха Фика — одного из деятельных участников подготовки петровской реформы центрального управления и хорошего знакомого Д.М.Голицына. Ему были предъявлены обвинения в участии в сочинении предосудительных «пунктов» и «прожектов». Фик защищался: в начале 1730 г. он был в Петербурге, куда и был прислан указ Совета, «чтобы ему, Фику, быть в Москву». В прежнюю столицу вице-президент прибыл уже после «принятия»

Анной самодержавия и поэтому отрицал любое свое участие в составлении каких-либо планов «ни письменно, ни словесно», в чем готов был «подписать на смерть». Но в то же время он указывал как на всем известный факт: «Слышно было, что пункты посланы к ее величеству», — и что «о республике розгласилось во всем Петербурге».

Фик не сказал о своем знакомстве с «кондициями», но был уличен сослуживцами. Советник той же коллегии Андрей Кассис «о пунктах правдивых или неправдивых... слышал и читал в Коммерц коллегии у секретаря»; ассессор Игнатий Рудаковский заявил, что сам Фик читал «пункты» по-немецки. Фик, по показаниям сослуживцев, «был весел» тому, что «не будут иметь впредь фаворитов таких как Меншиков и Долгорукой», и предпологал: «Может быть, определения будет о правительстве как в Швеции». На это Рудаковский «ответствовал ему, что в России без самодержавства быть невозможно, понеже Россия кроме единого Бога и одного государя у многих под властью быть не пожелает».¹⁰⁰ В итоге следствие решило, что Фик, хотя и не сочинял ничего сам, но «ко уничтожению самодержавства российского был склонен». За эти склонности ученый вице-президент был лишен всех чинов и имения и отправлен на 10 лет в Сибирь.

Лефорт и Рондо указали на характерный общий аргумент оппозиции «верховникам» — опасение установления «тирании знатных фамилий», тот же, что волновал известного Артемия Вольтынского: «Боже сохрани, чтоб не сделалось вместо одного государя десяти самовластных и сильных фамилий: и так мы, шляхетство, совсем пропадем и принуждены будем горше прежнего идолопоклонничать и милости у всех искать».

Другие наблюдатели заметили и борьбу мнений в шляхетской среде: «крайнюю» и «умеренную» партии (Мардефельд, от 12 февраля); сторонников самодержавия и тех, «которые думают переменить форму правления» (Лириа, от 9 февраля).¹⁰¹ Вопреки утверждению об исконности и необходимости самодержавия в России, Феофан все-таки проговорился, что иные «сильнейшие» из дворян «того же хотели», что и «верховники», но находились в оппозиции Совету из-за того, что его члены их «в дружество свое не призвали».¹⁰²

Некоторые из них вполне сознательно воспринимали идею ограниченной монархии. Так, бывший гвардеец, капитан-командор Иван Козлов полагал, что «теперь у нас прямое правление государства стало порядочное», и отмечал его преимущества: «Ей же определяют на год 100 000, и тем ей можно довольной быть, понеже дядя ее, император, и с теткой довольствовался только 60 000 в год, а сверх того, не повинна она брать себе ничего, разве с позволения Верховного Тайного совета; также и деревень никаких, ни денег не повинна давать никому, и не токмо того, ни последней табакерки из государевых сокровищ не может себе вовсе взять, не только отдавать кому, а что надобно ей будет, то будут давать ей с росписками. А всего лучше положено, чтоб ей при дворе своем свойственников своих не держать и других ко двору никого не брать, кроме разве кого ей позволит Верховный Тайный совет».¹⁰³

Приведенное мнение часто цитируется повествующими о событиях 1730 г. историками. Но как будто никто не заметил, что подписи самого автора столь радикальных высказываний ни под одним из проектов нет,

хотя он как раз был в это время в Москве и даже удостоился аудиенции в Верховном Тайном совете.

В эпоху реформ, заграничных походов и командировок дворяне могли получить некоторые впечатления о прочих «формах правления» — например, об «аристократии» и «димократии», описанных в изданной в 1718 г. книге С. Пуфендорфа.¹⁰⁴ В «Ведомостях» от 9 февраля 1730 г. они могли прочесть «репортаж» о тронной речи английского короля Георга II в парламенте, где монарх просил «не отказать» ему в средствах на военные нужды и обещал представить депутатам сведения о государственном долге и всех «приходах и расходах». Видимо, именно из этой, относительно просвещенной и думающей среды вышел так называемый «конспект шляхетских совещаний», или «проект общества», предусматривавший выборность Сената, президентов коллегий и губернаторов и появление законодательного «сейма».¹⁰⁵

Но рисковать карьерой желали не все, как не все интересовались заморскими порядками. Едва ли шляхетство могло за одно-два десятилетия усвоить всю сумму европейской учености, тем более что многие культурные начинания затронули лишь узкий слой дворянства и нарождавшейся интеллигенции. Если для Феофана Прокоповича Гуго Гроций был «славным законоучителем», то в дворянской массе скорее можно было услышать:

*«Гроциус и Пуфендорф и римские права —
О тех помнить нечего: не на наши нравы».*¹⁰⁶

Депеши Вестфалена дают возможность представить и иной уровень дискуссий в шляхетской среде. «В смысле укора неограниченной власти в России, — докладывал датский посланник 5 февраля, — выставляют случай, бывший в правление царицы Екатерины. В кратковременное свое правление она израсходовала для своего двора венгерских вин на 700 000 рублей и на 16 000 рублей данцигских водок в то самое время, когда тысячи ее подданных терпели недостаток в насущном хлебе».¹⁰⁷ Отсюда как будто следует, что князь Д.М. Голицын и узкий круг просвещенных дворян, подобных В.Н. Татищеву и Генриху Фику, могли сочинять и обсуждать «проекты». Но для массового сознания средне- и мелкопоместного дворянина сравнение достоинств той или иной заграничной «формы правления» отступало на задний план перед простыми и понятными примерами.

И примеры эти «работали» скорее против «верховников». Талантливый публицист и идеолог петровской монархии Феофан Прокопович умело использовал обращение к разным уровням восприятия в своей агитации против «верховников»: «И везде в одну, почитай, речь говорено, что если по желанию оных господ сделается (от чего сохранил бы Бог!), то крайнее всему отечеству настает бедство. Самим им господам нельзя быть долго с собою в согласии: сколько их есть человек, чуть ли не столько явится атаманов междоусобных браней, и Россия возымет скарредное оное лице, каковое имела прежде, когда на многия княжения расторгнена, бедствовала».¹⁰⁸

Для одних здесь очевидно «лакомство и властолюбие», ведь только что семейство Долгоруковых использовало свою близость к трону для беззастенчивого обогащения. В глазах шляхетства Долгоруковы явно не годи-

лись на роль бескорыстных реформаторов, и это отношение неизбежно распространялось на других «верховников». О средствах «антидолгоруковской» агитации сообщали Маньян, Лефорт и тот же Феофан, передавая рассказы о том, как, например, это семейство пыталось украсть столовое серебро из дворца или как бывшая царская невеста требовала себе «наряда и всей славы императорской» во время церемонии похорон Петра II.

Для более грамотных Феофан приготовил историческую ссылку на эпоху раздробленности и слабости страны. Новгородский архиепископ подавал в качестве единодушного мнения традиционный аргумент сторонников самодержавия. Позднее ту же самую позицию будет отстаивать Екатерина II в своих заметках о 1730 г.: «Знайте же, если ваше правительство превратится в республику, оно утратит свою силу, а ваши области станут добычей первых хищников; не угодно ли с вашими правилами быть жертвой какой-нибудь орды татар и под их игом надеетесь ли жить в довольстве и приятности».¹⁰⁹

Иной же опыт государственности, похоже, не был доступен шляхетской массе образца 1730 года. Ни один из проектов как самого Совета, так и «шляхетства» ни словом не намекал на традицию Земских соборов XVI–XVII веков или попытки ограничения самодержавия в эпоху Смуты.¹¹⁰ Находившееся в т.н. «проекте общества» предложение созыва «сейма», как и употребление формулы «форма правления», свидетельствует скорее об обращении к опыту соседней Польши и других западных стран, чем к отечественной традиции.¹¹¹

Даже у ученого Татищева в его концепции развития политической системы России главным стержнем являлась борьба монархии с аристократией. К опыту Смутного времени и избрания царей он относился скорее отрицательно (только воцарение Михаила Романова считал «порядочно всенародным») и не включал в число своих аргументов практику созыва соборов.¹¹² Можно предполагать, что и эта избирательность исторической памяти явилась следствием петровских реформ, представлявшихся прорывом к цивилизации и культуре из царства отсталости. Ни «верховники», ни их противники не поднимались до принципиальной постановки вопроса о происхождении власти монарха и ее пределах: первые, по всей видимости, этого не желали намеренно, вторые, скорее всего, в массе не были к этому готовы.

Рассмотрение проектов, мнений и споров наводит на вопрос: насколько лидеры и рядовые участники т.н. «конституционного» движения готовы были преодолеть рамки петровской системы? Ягужинский провозгласил «время, чтоб самодержавию не быть», — но сам же оказался первым его защитником. Реальный, а не вымышленный план князя Голицына «с товарищи» предлагал именно петровскую военно-регулярную монархию без самого Петра, но со столь же самодержавным Верховным Тайным советом, с минимумом шляхетских «вольностей» и неопределенными обещаниями «облечения» всем остальным. Появившаяся в этом документе известная фраза о том, что «не персоны управляют законом, но закон управляет персонами», «повисала в воздухе», т.к. сколько-нибудь систематизированный свод основных законов отсутствовал, а задача его создания даже в перспективе не ставилась.

В этом смысле не стоит переоценивать и роль князя Д.М.Голицына в качестве «отца русской демократии». Он, безусловно, был фигурой незаурядной — но вместе с тем и типичной для петровской эпохи. Как и многие его сверстники, начал службу в Преображенском полку и стал капитаном после Азовских походов. Затем последовали назначения на самые разные (дипломатические, военные, финансовые) посты, где князь показал себя способным и усердным администратором¹¹³ — однако не реформатором. Возглавляемая им с 1727 г. комиссия по пересмотру налоговой системы не смогла предложить ничего, кроме сохранения с некоторым уменьшением ставки петровской подушной подати. В качестве киевского губернатора Голицын стремился урезать гетманскую власть; в качестве члена Верховного суда — подписал приговор царевичу Алексею, показывавшему на следствии, что Голицын говорил ему: «Я тебе всегда верной слуга». В 1727 г. Голицын по приказу новой власти в лице Меншикова вел следствие по делу Феодосия, а затем Девиера и Толстого.

Как и многие другие вельможи, он испытал на себе гнев Петра: в 1723 г. по делу вице-канцлера Шафировова был лишен чинов; так же прибежал к заступничеству Екатерины и бил перед ней по старому обычаю «челом» в пол. Сам писал доносы на гетмана; но и на него в мае 1722 г. обиженный дворецкий его брата-фельдмаршала заявил «слово и дело» по поводу якобы имевшихся у князя «тайных царственных писем». ¹¹⁴ Хорошо еще, что донос проигравшегося в карты холопа был признан неосновательным; иначе карьера министра могла закончиться задолго до 1730 г. В качестве «по-петровски» (т.е. в процессе службы) широко образованного человека и владельца знаменитой библиотеки Голицын открывал галерею вельмож XVIII столетия, у которых тяга к просвещению естественно сочеталась с обладанием 10 тысячами крестьянских дворов.

Консул Рондо уважительно отозвался о князе в том же феврале 1730 г.: «Человек необыкновенных природных дарований, развитых работой и опытом. Это человек духа деятельного, глубоко-предусмотрительный, проницательный, разума основательного, превосходящий всех знанием русских законов и мужественным красноречием. Он обладает характером живым, предприимчивым; исполнен честолюбия и хитрости, замечательно умерен в привычках, но высокомерен, жесток и неумолим». ¹¹⁵ Это сочетание качеств делало князя способным начать серьезное дело и взять на себя ответственность за него. Но оно же явно мешало ему стать настоящим лидером, умевшим увлечь за собой других, в особенности стоявших ниже на социальном и интеллектуальном уровне: к ним надо было приспосабливаться, договариваться, сотрудничать.

Вельможное высокомерие, помноженное на сознание своего культурного и чиновного превосходства, придавало Голицыну отталкивающий облик в глазах даже неплохо относившихся к нему людей. С грустью отзывался о своем опыте делового знакомства с князем Иван Посошков: «На что добрее и разумнее господина князь Дмитрея Михайловича Голицына, а в прошлом 719 году подал я ему челобитную, чтоб мне завод построить винокурной и вотки взять на подряд, и, неведомо чево ради, велел меня за караул посадить. И я сидел целую неделю и стало мне скушно быть, что сию долго и за что сию не знаю... велел я уряднику доложить о себе, и он,

князь Дмитрий Михайлович, сказал: “Давно ль де он под караулом сидит?” И урядник ему сказал: “Уж де он целую неделю сидит”. И тотчас велел меня выпустить. И я, кажется, и не последней человек, и он, князь Дмитрий Михайлович, меня знает, а просидел целую неделю ни за что». ¹¹⁶

Похоже, что не столько аристократические традиции, сколько дух петровских реформ — внедрение полезных новшеств вместе с отправкой всех несогласных «под караул» — исключали для князя возможность компромисса и лавирования как в политической теории, так и на практике.

Но и для других участников событий психологическая трудность восприятия иной, по сравнению с петровской, политической культуры (как в смысле преодоления собственного социального опыта, так и в смысле сознательной ломки созданной Петром Великим государственной машины) была не меньшей. И это обстоятельство умело использовалось их противниками. Вестфален в донесении от 12 февраля отметил, что имя Петра I стало аргументом в шляхетских спорах, и из рядов «партии» князя Черкасского «расходятся громогласные обвинения, словесные и письменные, против Голицыных и Долгоруких за непримиримую их ненависть к памяти Петра Великого и к его несчастному потомству». ¹¹⁷

Из этого следует, во-первых, что оппозиция организовала настоящую агитационную кампанию с рукописными «листовками»; «верховники» же, как мы знаем, не допускали какого-либо обнародования своих планов. Во-вторых, как можно было возражать против величия и заслуг Петра? Конечно, люди уровня князя Д.М.Голицына и Генриха Фика нашли бы что сказать. Но что могли ответить те, кто не привык к ученым спорам? Кроме того, многих из представителей шляхетства именно петровские реформы «вывели в люди», дали возможность получать чины, ордена, крепостные дворы и души, как А.И.Ушакова, семейство Головкиных и других петровских генералов и офицеров, подписывавших проекты.

Даже такой идейный «прожектор», как Татищев, в своей «Истории российской» характеризовал петровскую эпоху через свое мироощущение «состоявшегося» человека: «Все что имею — чины, честь, имение и, главное над всем, разум — единственно все по милости его величества имею, ибо если бы он меня в чужие края не посылал, к делам знатным не употреблял, и милостию не ободрял, то бы я не мог ничего того получить». ¹¹⁸ Оценивая реформы Петра, Татищев одобрял и петровскую внешнюю политику, и государственный контроль над экономикой, и подчинение государственным интересам церкви и ее доходов. Как недостатки отмечались им только излишний «демократизм» «Табели о рангах» и чрезмерная власть местных властей над дворянством. ¹¹⁹

Первое было свойственно и самим «верховникам», а второе имело следствием требование в дворянских проектах 1730 г. выборов губернаторов, что осталось без внимания в «проекте формы правления». По всей вероятности, Татищев искренне видел в самом появлении Верховного Тайного совета «по замыслу неких властолюбивых вельмож» уклонение от петровских реформ. Позднее в своем «Лексиконе Российском» он отрицательно отозвался об этом органе, который «многие бесполезные государству учреждения и предприятия учинил». ¹²⁰

Наконец, в-третьих, как было не пожалеть «несчастное потомство» Петра Великого? Как мы помним, к «проекту 364» примкнули придворные Елизаветы, и лозунг защиты интересов сироты был как нельзя кстати.

С учетом этих реальных условий трудно обвинять дворянские проекты в непродуманности, как делали это в 1730 г. умудренный опытом английской «формы правления» Рондо, а через 200 лет — Г.В.Плеханов, упрекавший русских дворян за «неспособность к европейскому образу мышления» и упущенную возможность осуществления конституции.¹²¹ Эти документы уже являлись важным шагом вперед по сравнению с «бедностью и бессилием мысли» прожектеров петровской эпохи с их наивной верой во всемогущество царской воли, требованием соблюдения «древних» указов и «приневоленного» внедрения образования.¹²²

В таких условиях под огнем нарастающей критики «верховники» должны были действовать столь же сплоченно и энергично, как и в первые дни междоусобицы, чтобы привлечь одних, снять опасения других и нейтрализовать выпады третьих. Второго февраля «кондиции» были оглашены. Присутствовавшие «особы» I-V рангов ознакомились с ними и, в ответ на вопрос князя А.М.Черкасского: «<...> каким образом впредь то правление быть имеет», — получили возможность составлять свои проекты. Затем в течение нескольких дней — согласно черновому журналу, с 5 до 8 февраля — генералитет и шляхетство ставили свои подписи под полученным из Митава «всемилоостивейшим писанием».¹²³ Этот документ подписали 506 человек, среди которых были не только генералы и бригадиры, но и люди совсем не чиновные: сенатские секретари Дмитрий Невежин и Михаил Володимиров, капитан Федор Соймонов, гвардейские офицеры — капитан Альбрехт, поручики Федор Тюменев и наш знакомый Петр Ханьков. Это число, на наш взгляд, является более точным при оценке количества «действующих лиц» при составлении и обсуждении проектов, чем расчеты Д.А.Корсакова.

Вероятно, по замыслу правителей, массовая подписка должна была, с одной стороны, продемонстрировать лояльность шляхетства, с другой — убедить Анну в массовой поддержке посланных ей «пунктов». Однако ни первого, ни второго достичь не удалось. Впрочем, Анна хорошо усвоила эту тактику и, как увидим далее, умело ее использовала в ходе следующей «революции».

С начала февраля Верховный Тайный совет стал постепенно терять инициативу. Уже 4 февраля он (согласно тому же журналу) принял решение о сохранении прежнего императорского титула. Изданный в тот же день манифест сообщил о воцарении не слишком вразумительной формулой: «Общим желанием и согласием всего российского народа на российской императорской престол избрана по крове царского колена тетка его императорского величества [Петра II. — И.К.] государыня царевна Анна Иоанновна»,¹²⁴ — что нарушало как устав 1722 г., так и завещание Екатерины I и могло в дальнейшем поставить под сомнение правомочность процедуры «избрания».

Седьмого и восьмого числа (как результат подачи «проекта 364»?) Совет обсуждал и большинством решил не публиковать манифест с изложением «кондиций», вопреки «особливой секретной записке» В.В.Долго-

рукова.¹²⁵ Затем «верховники» отложили не только свой «проект формы правления», но и принятие вполне умеренных «проекта 13» и «проекта 25»: их 38 подписей уже не составляли конкуренции массовому проекту оппозиции. В последующие дни февраля Д.М.Голицын и его единомышленники попытались создать качественно новый документ: «Способы, которыми, как видится, порядочнее, основательнее и тверже можно сочинить и утвердить известное толь важное и полезное всему народу и государству дело». Этот третий по счету и последний из планов «верховников» опубликован (хотя и с некоторыми ошибками в передаче текста) в статье Г.А.Протасова вместе с его датировкой и доказательствами принадлежности к документам Верховного Тайного совета.¹²⁶

Из его текста следует, что князь Голицын с коллегами в последний раз сделали шаг навстречу оппозиции. Главное из предложенных ими «оснований» состояло в том, чтобы «все великороссийского народа шляхетство» избрало «единосердечным согласием... годных и верных отечеству людей от дватцати до тритцати человек и утвердили б их письменно так, что оне внизу написанным порядком к ползе отечества сочинят и утвердят, и то имеет вечно твердо и нерушимо быть».

Указанный порядок подразумевал привлечение в это собрание от 4 до 6 человек из числа «синодских членов», «военных людей», купечества и «от всякого чина» при обсуждении дел, касающихся данной сферы или сословной группы. Эти депутаты, в свою очередь, должны были иметь «от своего чина выбор и верующие письма за руками». Таким образом, «Способы...» впервые предлагали отсутствовавшую до тех пор в проектах обеих сторон юридическую процедуру законоотворчества, что впервые было отмечено еще П.Н.Милюковым. Создание такого «законодательного собрания» снимало одно из главных требований оппозиции.

Но если приглядеться к содержанию 4-го и 7-го параграфов этого документа, то можно увидеть, что и в данном случае уступка была весьма относительной:

«<...> 4. Те избранные особы имеют сочинять все, что к правлению всего государства принадлежит и что оне вымыслить могут к ползе отечества. А ежели Верховной совет или Сенат к ползе отечества вздумают и пошлют к тем выбранным особам тое материю толко сказать, и те избранные особы имеют о той материи между собою советовать и как к государственной ползе рассудят, так и сочинить...

7. Как те выборные между собою какое дело сочинят и утвердят, и тогда всем им с тем делом взойти в Сенат и с ними советовать и согласитца. А как выборные и Сенат о том деле согласятца, тогда выборным и Сенату всем итти с тем делом в Верховной совет и всем обще о том деле рассуждать. А как выборные, Сенат и Верховной совет о каком деле все согласятца, и тогда послать с тем делом несколько особ к ее императорскому величеству и просить, чтоб конфирмовала».¹²⁷

Из этих пунктов следует, что законодательная инициатива самого Совета вместе с подчиненным ему Сенатом сохранялась на весь период составления нового законодательства. Устанавливалась и весьма сложная процедура утверждения законов с требованием общего согласия и после-

довательным прохождением законопроекта через ряд учреждений и зависимую от «верховников» императрицу (ведь о пересмотре или отмене «кондиций» речи не было), что практически оставляло Верховный Тайный совет на неопределенное время в качестве высшей инстанции при принятии любого закона.

Характерно, что сами «верховники» вполне понимали трудности, ожидавшие депутатов нового «Учредительного собрания», и их неготовность к такому делу. Их надо было выбирать с участием всех православных дворян империи, «чтоб никто, никак и ничем от того согласия не отговаривался ни заслугами, ни рангом, ни старостию фамилии и чтоб всякому был один голос». Сколько бы ушло времени на «избирательную кампанию» при понятных технических трудностях и обычном «нетстве», когда дворяне смотрели на очередной призыв в Петербург как на новую тягостную службу? В 1730 г. по вызову в очередную комиссию для окончания Уложения в столицу явилось только 5 человек, да и тех пришлось отправить обратно из-за их непригодности к законодательной работе. В конце-то созванном присутствии должны были дежурить «две особы, а голос им не давать, толко чтоб оне содержали в том их собрании доброй порядок, а имянно голоса давали, шум и крик, а особливо брань унимали».¹²⁸ Очевидно, подобные сцены заранее предусматривались опытными бюрократами, в руках которых оставалась бы реальная и ничем не ограниченная исполнительная власть.

«Способы...» стали последним документом Верховного Тайного совета, с которым его авторы собирались обратиться к шляхетству к исходу третьей недели февраля, спустя месяц после начала событий и ожиданий обнародования нового государственного устройства. Но и это привлекательное, на первый взгляд, предложение не оставляло надежд на компромисс с оппозицией по главному пункту — объему власти самого Совета, состоявшего из двух знатных фамилий. Более того, выдвинутые ранее предложения об увеличении численности Совета на этот раз даже не упоминались.

Но и этот проект остался неизвестным публике и был похоронен в бумагах Верховного Тайного совета. Если принять мнение Протасова о составлении «Способов...» к 18 февраля, то дальнейшее развитие событий становится загадочным. До новой «революции» оставалась ровно неделя. Как же использовали это время «верховники» и их противники? Сам Г.А.Протасов полагал, что Совет «не догадывался о надвигающейся катастрофе. Он был убежден, что контролирует положение, и не очень торопился с завершением реформы».

Может быть, и так. Но именно ко времени начала работы над «Способами...» относятся свидетельства дипломатов о разногласиях среди «верховников». Все они уже давно отметили своевременную «болезнь» Остермана и его демонстративное уклонение от участия в работе. Мардефельд в депеше от 5 февраля указал на разногласия между фельдмаршалами В.В.Долгоруковым и М.М.Голицыным; 12 февраля он же передал в Берлин, что канцлер Г.И.Головкин последовал примеру Остермана и «устранился добровольно» от дел. Судя по этому донесению, в тот день члены

Совета едва ли не в последний раз сумели продемонстрировать единство: они в полном составе явились на дом к Остерману и вынудили его подписать «некоторые пункты основных государственных законов». Что это был за документ — неизвестно, что, впрочем, может свидетельствовать и об умении вице-канцлера заметать следы.

19 февраля Лефорт отметил отъезд в деревню А.Г.Долгорукова, на который «смотрят как на приличное изгнание»; он же в донесении от 23 февраля сообщил, что «законодатели между собой не согласны». В тот же день Маньян писал о «затруднениях, встречающихся по поводу составления новой формы правления», напрасно надеясь, что «результаты вскоре будут обнародованы».¹²⁹

Документальным свидетельством разногласий членов Совета осталась записка В.Л.Долгорукова — последний по времени из дошедших до нас планов «верховников». Главная ее цель — как можно скорее «убегнуть разногласия» и «удовольствовать народ», а главное средство для этого — немедленно пополнить Верховный Тайный совет новыми членами, т.е. принять главное требование оппозиции. По мнению Василия Лукича, это можно было бы сделать путем немедленной организации выборов с участием Сената и «несколько генералов и из штатских, которые в тех рангах».

Более сложный, но и более «демократичный» путь состоял в том, чтобы условиться с Сенатом о числе новых кандидатов, тут же объявить о выборах от лица императрицы и призвать выдвигать кандидатов чином не ниже полковника; затем собрать генералитет и прочее дворянство отдельно, чтобы они «избрали между собою годных людей... человек и дали б им выбор и полную мочь за себя и за всех... присутствующих и отсутствующих». Третий вариант действий допускал сначала избрание предложенных «Способами» 20–30 депутатов с тем, чтобы «прежде выбору те, кому выбирать, знали, х каким делам те выборные 30 особ потребны, и потому б выбирали. Тако ж чтоб по тому народ узнал, что к ползе народной дело начинать хотят».¹³⁰

Никаких следов дальнейшей работы над этим или каким-либо другим документом нет. Вместе с тем в эти дни Верховный Тайный совет работал напряженно. Шла подготовка к принятию присяги. Согласно журналу заседаний, 20 февраля Совет призвал сенаторов и других назначенных для ее проведения «выборных персон» и спросил их, «довольны ли тою присягою, на что все согласно ответили, что довольны». Этим жестом «верховники» стремились успокоить шляхетство, ожидавшее (по сочинению Феофана) каких-либо принципиальных изменений в этом документе в ущерб императорской власти. Но, как известно, текст присяги не содержал никаких нововведений и не мог вызвать разногласий.

Только в воскресенье 22 февраля заседаний Совета не было; в остальные, последние дни «конституционного движения» 21, 23, 24 и 25-го «верховники» съезжались и работали постоянно, о чем свидетельствуют записи в неопубликованном журнале заседаний и изданные протоколы.

Эти документы производят странное впечатление. С одной стороны, в Совете кипела работа: постоянно присутствовали Г.И.Головкин, Д.М.Голицын, В.В.Долгоруков; каждый день приходил на заседания «сторожив-

ший» Анну Иоанновну В.Л.Долгоруков и появлялся с документами из Военной коллегии М.М.Голицын; с 23 числа присутствовал даже «отосланный» в деревню А.Г.Долгоруков. Совет ежедневно требовал и получал рапорты о проведении присяги, менял сенаторов, «чтоб остановки не было в делах».

С другой стороны, удивляет обилие сугубо текущих дел. 23 февраля совет распорядился уничтожить карантин в Царицыне и учредить такой же в Киеве; приказывал выдать 10 тысяч рублей на расходы императрице и послать инженеров для исправления Царицынской укрепленной линии. 24 февраля «верховники» указали отпустить 35 тысяч рублей на ремонт пограничных крепостей; по просьбе М.М.Голицына произвели заслуженных подполковников в полковники, распорядились о выдаче «окладного провианта» офицерам гарнизонов в Прибалтике, поставке ружей в полки ландмилиции, заготовке провианта и фуража в магазинах Украинской армии и т.д.¹³¹ Но они так и не нашли времени на завершение своего главного дела — составления и обнародования новой «формы правления», хотя именно этого ожидали в обществе.¹³²

Складывается впечатление, что в последнюю неделю своего правления Совет уже не был способен на такие усилия. Давление оппозиции и внутренние разногласия подорвали и без того относительное единство его членов: в эти дни «верховники» уже просто плыли по течению и были на пороге капитуляции — или уже перешагнули этот порог. Именно так можно расценить информацию Лефорта (в донесении от 2 марта 1730 г.): за день до «революции», 24 февраля, члены после нескольких безуспешных попыток пригласить императрицу для утверждения «составленного образа правления» решились «объявить ее величество самодержицей, что и исполнили все члены собрания вместе. Она ответила им, что для нее недостаточно быть объявленной самодержицей только восемью лицами».¹³³

Черновой журнал заседаний Совета подтверждает, что 24 февраля его члены собрались вместе (за исключением Остермана) и решали вопросы о выдаче жалования придворным карлицам и переводе «Аврама арапа» в майоры Тобольского гарнизона, но ничего не сообщает о таком визите к Анне, так что судить о достоверности этого известия трудно.¹³⁴ Но в любом случае пассивность «верховников» в последние дни «конституционного» правления несомненна, на фоне крепнувшей «партии» сторонников самодержавия.

Хроника «революции» 25 февраля 1730 г.

Ядро «партии» противников любых «конституционных» преобразований, по всей вероятности, стало складываться еще в последних числах января, как только стало известно имя новой императрицы и поползли слухи об ограничении ее власти. Главные фигуры этого движения хорошо известны по донесениям дипломатов и указаниям наиболее осведомленных мемуаристов. Это родственники Анны Салтыковы, и прежде всего ее дядя В.Ф.Салтыков и двоюродный брат, майор Преображенского полка С.А.Салтыков; затем третий фельдмаршал князь И.Ю.Трубецкой и фигу-

ры сугубо придворные, вроде камергера Р.Левенвольде. Неудивительно, что подписей этих лиц мы не встречаем ни под одним проектом. Однако сами по себе они большой силы не представляли, и при другом раскладе сил «верховники» могли бы смело игнорировать их неудовольствие. Но по мере нараставшего расхождения Совета и оппозиции они неизбежно должны были стать центром притяжения для недовольных и обиженных.

Другую группу противников планов Верховного Тайного совета представляли крупные фигуры, целиком обязанные своим положением петровским реформам: генерал-прокурор Ягужинский, вице-канцлер Остерман, архиепископ Феофан. Все они, кроме Остермана, были отодвинуты «верховниками» от власти и мириться с подобной ситуацией не собирались. Но если решительные действия Ягужинского хорошо известны, то сказать что-либо конкретное о поведении Остермана в эти дни довольно трудно. Не исключено, что, опять-таки при ином развитии событий, опытный бюрократ и дипломат вполне мог вписаться в новое государственное устройство; но играть первую скрипку при решении внешнеполитических вопросов Д.М.Голицын и В.Л.Долгоруков ему вряд ли позволили бы, как и выполнять роль посредника между Советом и императором.

Что касается Феофана, то он, несомненно, был искренним сторонником петровских реформ, и принять ломку этой системы ему было трудно, если не невозможно. Тем не менее не исключено, что и этого незаурядного человека можно было склонить к сотрудничеству при выработке и обсуждении нового политического устройства. Ведь Феофан был одним из немногих лиц, разбиравшихся в политической теории и идеях своего времени. Принадлежащее его перу «Изъяснение, каковы были неких лиц умыслы, затейки и действия» исходит из того, что «верховники» «искали общей государства пользы», однако делали это крайне неуклюже, что могло ввергнуть страну в «кровавое смущение».

Но ему надо было обеспечить достойное место в реальной политике, а отношение Совета и лично Д.М.Голицына к Синоду и высшему духовенству это исключало. Да и нежелание «верховников» поступиться частью своей власти в пользу других членов генералитета неизбежно должно было укреплять позиции их противников. Умелая пропаганда могла только подогревать подобные настроения в среде, не принимавшей прямого участия в событиях, но способной стать решающей силой, т.е. гвардии.

Мы не знаем, как воспринимали гвардейские солдаты и офицеры возникшую ситуацию и о чем они говорили в казармах и на квартирах. Но полковые документы — приказы, рапорты, ведомости, прошения — говорят, что положение гвардии по сравнению с петровской эпохой не изменилось. По-прежнему гвардейцы назначались на «гражданские» посты, дежурили в государственных учреждениях (включая сам Верховный Тайный совет¹³⁵), отправлялись в разнообразные «посылки». При этом в массе своей они оставались людьми не слишком знатными и не богатыми. Солдатские и офицерские челобитные 1730 г. показывают, что их податели часто были неграмотными — за них расписывались однополчане. Эти бумаги рассказывают о наиболее волновавших гвардейцев «домашних обстоятельствах»: у одних бежали крестьяне или дворовые, у других слу-

чился пожар, украли лошадей или объявились в деревне «воровские люди»; у третьих были постоянные проблемы с соседями, которые захватывали спорную пашню или луга, ломали заборы или «собрався многолюдством с людьми своими и со крестьяны и пришед днем к омбаром моим и выломали двери и хлеб, которой был, выгребли без остатку», как жаловался солдат Михаил Челищев.¹³⁶

Первым свидетельством настроений гвардии в эти дни стало сообщение де Лириа от 2 февраля: он передал, что гвардейские офицеры открыто говорят о том, что предпочитают быть «рабами одного монарха», чем служить «тирании» знатных фамилий. Подобные настроения, по свидетельству других дипломатов, были типичны для многих представителей шляхетства в те дни. Можно предположить, что какая-то информация о гвардейском недовольстве дошла до правителей. Из приказов по Семеновскому полку за 1730 г. следует, что в тот же день (2 февраля) всем командирам рот было поручено объявить унтер-офицерам «осматривать салдат, чтоб все начевали при квартирах; ежели в ротах явятца в каких словах, оных присылать немедленно под караул на полковой двор».¹³⁷ Почему не ночевали солдаты на квартирах и какие именно «слова» могли явиться, — документ ничего об этом не говорит.

Следующие известия о делах и мыслях гвардейцев у нас появляются со времени прибытия в Москву императрицы, что само по себе должно было усилить монархические настроения. Согласно «походному журналу», рано утром 10 февраля не выспавшуюся Анну (на предыдущей остановке в Клину ей пришлось ночевать в саях — видимо, помещений без тараканов не нашлось) встречали в селе Чашниково посланцы Синода и Сената; в тот же день к вечеру ее «поезд» прибыл в подмосковное Всехсвятское. Несколько дней Анне предстояло отдыхать, пока в Москве проходили похороны Петра II и шли последние приготовления к ее торжественному въезду в столицу.

Здесь Джеймс Кейт единственный из мемуаристов отметил появление Остермана, который, «будучи больным со дня смерти императора, нашел в себе достаточно сил посетить ее там, и два дня спустя императрица объявила себя капитаном кавалергардов и полковником первого полка пешей гвардии».¹³⁸ Генерал, возможно, намеренно подчеркнул связь событий, в ходе которых Анна рискнула нарушить принятые ею «кондиции». Это произошло 12 февраля, когда императрице представлялись прибывшие для ее охраны батальон Преображенского полка и кавалергарды (этот день станет при Анне полковым праздником). Гвардейцы во главе с майором Нейбушем бросились в ноги своей «полковнице», а кавалергарды удостоились приема в «покоях» и получили из рук Анны по стакану вина.¹³⁹ Такая «агитация» была явно более доходчивой, чем плохо понятные политические проекты.

Для «верховников» такое начало не предвещало ничего хорошего; не случайно, пожалуй, самый осведомленный из дипломатов Мардефельд указал, что 12 февраля Совет предпринял «атаку» на вице-канцлера и заставил его подписать какие-то бумаги. Другим ответным ходом правителей был их визит к Анне в субботу 14 числа, во время которого князь Д.М.Голицын в приветственной речи напомнил Анне о взятых ею на себя обязательствах.

Но это были не более чем слова. Полковые же документы показывают, что на фоне разногласий и бездействия Совета императрица стремилась завоевать симпатии гвардии. Уже 12 февраля она «именным повелением» произвела преображенского сержанта Григория Обухова в прапорщики и трех солдат — в капралы. На следующий день капитаны того же полка Александр Лукин и Дремонт Голенищев-Кутузов стали майорами, т.е. вместе с майором С.А.Салтыковым фактическими командирами полка. 16 февраля императрица пожаловала в новый чин целую группу преображенцев, а полкового адъютанта И.Чеботаева — «через линейю» (т.е. не по старшинству) сразу в капитан-поручики, «дабы на то другие смотря, имели ревность к службе».¹⁴⁰

Подобные указы, как правило, утверждали уже согласованный полковым начальством порядок; но здесь важен был эффект милостивых «повелений», воскрешавших образ великого полковника. Не случайно именно в эти дни (16 февраля) Маньян зафиксировал в своем донесении вдруг появившееся «весьма высокое мнение о личных достоинствах этой государыни, высказывая не раз сожаление, что она не может изменить своего пола, чтобы иметь возможность применить великие таланты, признававшиеся за ней Петром». Это сообщение показывает, как буквально на глазах творилось в те дни «общественное мнение». Недалекая и, в общем, несчастная Анна, заброшенная по воле Петра в курляндскую глушь (ни о каком признании им ее «великих талантов» и речи быть не могло), представляла истинной преемницей великого императора.

15 февраля императрица, как сообщал газетный «репортаж» тех дней, «изволила пред полуднем zelo преславно, при великих радостных восклицаниях народа в здешней город свой публичный въезд иметь». У крепостных ворот ее торжественно встретили депутаты от дворянства, купечества и духовенства, где Феофан Прокопович произнес приличествовавшую случаю речь. Анна поклонилась праху предков в Архангельском соборе и проследовала под ружейную пальбу выстроенных в шеренги полков в свои новые «покои» в Кремлевском дворце. В тот же день все гвардейские солдаты получили от Анны по рублю; на следующий день началась раздача вина по ротам, а 19 февраля полки получили жалование.¹⁴¹

По мемуарам Манштейна, императрица в эти дни не только щедро раздавала подарки караульным гвардейцам, но и стремилась «возбудить несогласие между членами Верховного совета», что ей, видимо, удалось. Насколько верны свидетельства Манштейна и Вестфалена о переходе на сторону «партии» самодержавия канцлера Головкина и ходившие впоследствии слухи о том, что окружение Анны сумело договориться с князьями Голицыными против долгоруковского клана,¹⁴² проверить сейчас невозможно. Но бездействие и противоречия среди членов Совета в эти решающие дни очевидны.

Следующим важным этапом в «перетягивании» власти на сторону императрицы стала присяга. «Верховники» не рискнули сделать какие-либо принципиальные изменения в ее тексте, и для подписывавшихся под ней Анна оставалась, безусловно, самодержицей. Сохранившееся архивное дело свидетельствует, что 20 февраля в кремлевском Успенском

соборе присягу приняли гвардейский Преображенский полк, члены Синода, высшие военные и «статские» чины империи вместе с самими «верховниками» и прибывшим украинским гетманом.

Семеновский полк присягал в Архангельском соборе, а всего в столице эта процедура проходила в 14 храмах. Ею руководили сенаторы и генералы, среди которых находились как лидеры оппозиции (А.И. Ушаков, Г.Д. Юсупов, А.И. Шаховской), так и подписавшие «компромиссные» проекты Л.В. и П.В. Измайловы, И.И. Дмитриев-Мамонов, И.П. Шереметев. Присяга продолжалась до 25-го числа; за это время в Москве присяжные листы подписали 11825 человек, среди которых, наряду с генералитетом, гвардией, солдатами и офицерами армейских полков и шляхетством, можно встретить «фабричных работников», купцов, ямщиков, казаков и даже «помещиковых людей». ¹⁴³

По донесению Лефорта от 23 февраля, перед началом этой процедуры фельдмаршал В.В. Долгоруков (именно он руководил присягой своего полка в соборе) «предложил Преображенскому полку присягнуть царице и Верховному Тайному совету; они отвечали ему, что переломают ему все кости, если он снова явится к ним с подобным предложением». ¹⁴⁴ Если так, то это событие можно считать концом всех замыслов «верховников». Тогда объяснимо бездействие Совета в последующие несколько дней, как и возможная попытка «почетной капитуляции» 24 февраля, согласно следующему донесению того же посла.

21 февраля Анна подписала указ об очередной отставке из рядов гвардии 169 человек. 23-го она отстояла службу в Успенском соборе и наградила свою сестру Екатерину Мекленбургскую орденом Екатерины, после чего «публично кушала» во дворце; «причем, — отметили «Ведомости», — дамские особы в преизрядном убранствии, а кавалеры в трауре явились». В эти дни упомянутые «дамские особы» занимались не только «убранствиями». Дипломаты и мемуаристы дружно свидетельствуют: придворные дамы и жены известных деятелей той поры стали новым фактором политических интриг в России и приняли самое активное участие в действиях «партии» сторонников самодержавия.

Урожденные сестры Трубецкие — П.Ю. Салтыкова (жена будущего фельдмаршала П.С. Салтыкова) и М.Ю. Черкасская (жена А.М. Черкасского), А.И. Чернышева (жена генерала Г.П. Чернышева), Е.И. Головкина (двоюродная сестра Анны и жена сына канцлера — М.Г. Головкина), дочь канцлера А.Г. Ягужинская — стали передаточным звеном между вождями «партии» и императрицей, находившейся под постоянным присмотром В.Л. Долгорукова. ¹⁴⁵ Дамская «эмансипация» и приобщение к «политике» — тоже один из результатов петровских реформ, сказавшийся в это бурное время.

Именно П.Ю. Салтыкова, согласно «записке» Татищева, была послана ночью 24 февраля (у Татищева указано 23-е, но события у него «сдвинуты» на один день) известить Анну, что наутро ей поднесут челобитную от недовольного действиями «верховников» дворянства. Такой исход был вполне закономерным при «уперливости» Совета и пестроте политических воззрений его противников. Но из всего дипломатического корпуса только барон Мардефельд точно предсказал такой поворот событий за

две недели. ¹⁴⁶ Вестфален же полагал, что «умы успокоились»; французские дипломаты и Рондо были уверены в «добрых последствиях» нового государственного устройства. ¹⁴⁷

И все же инициатива противодействия «верховникам» была не однозначно «просамодержавной». Мы не знаем, кто был автором т.н. «первой челобитной» (или первого прошения) и как именно этот документ появился на свет; большинство исследователей считает его вышедшим из-под пера В.Н. Татищева. В нем императрице предлагалось «соизволить собраться всему генералитету, офицерам и шляхетству по одному или по два от фамилий, рассмотреть и все обстоятельства исследовать, согласно мнениям по большому голосам форму правления государственного сочинить». ¹⁴⁸

Интересно не столько содержание этого прошения — оно повторяло то, что уже было высказано в проектах, — сколько подписи под ним. Из 87 подписей меньшинство принадлежит группе генералов и чиновников того же ранга, участвовавших ранее в «проекте 364» и, возможно, в «проекте 25». Вопрос в том, какие намерения имели его авторы — недовольные молчанием «верховников» сторонники «конституционного» устройства или стремившиеся таким путем восстановить самодержавие Анны. Какая-то часть из них, вероятно, действительно хотела «воли себе прибавить» и оградить монаршую власть какими-либо прочными «установлениями». Но остальные 59 человек (почти 70 %) — это «новички», не участвовавшие прежде в составлении каких-либо документов и не подписывавшие их. Большинство из них — гвардейские офицеры и кавалергарды. Это соответствует свидетельству Татищева, что гвардейцы Антиох Кантемир и Федор Матвеев собирали эти подписи в полках.

Почему гвардейцы и кавалергарды подписали текст, призывавший не к восстановлению самодержавия, а к учреждению особого «конституционного собрания»? Были ли тому виной ночная спешка или убежденность, что эта бумага направлена против «верховников», а там будет видно? К сожалению, мы можем только предполагать ответ на этот вопрос. Однако если текст прошения действительно принадлежал В.Н. Татищеву и имел в виду не просто восстановление старого порядка, то его автор вольно или невольно повторил ошибку Верховного Тайного совета: высказался от имени тех, кто не разобрался в замысле, и убедил их подписать требования, которые могли ими вовсе не разделяться.

Утром 25 февраля 1730 г. «верховники», за исключением Остермана и находившегося при Анне В.Л. Долгорукова, собрались во дворце и, согласно журналу, «перед делами имели секретные разговоры». О чем они совещались в этот последний день своего пребывания у власти — неизвестно; но дальнейшая работа Совета была вполне рутинной. Обсуждались донесение Адмиралтейства о строительстве гавани в Рогервике и предстоявший рекрутский набор; были подписаны протоколы об изготовлении новых знамен для полков, отправке в Иран инженеров для составления карт этих провинций. Затем в зале заседания появился князь Василий Лукич, и все члены Совета отправились к императрице. ¹⁴⁹

Заседание, очевидно, было прервано появлением во дворце дворянской депутации во главе с фельдмаршалом И.Ю. Трубецким. Произошед-

шая потом сцена не раз описывалась в литературе по разным посольским донесениям. Попробуем их резюмировать.

Почти все депеши состоят из двух пластов информации. Первый — это сведения и впечатления, поступившие к дипломатам к концу дня и отразившиеся в донесениях 25–26 февраля. Эти документы передают главный итог: восстановление самодержавия Анны по просьбе дворянства; но это событие представлено как единый акт (так потом это будет передаваться многими мемуаристами). Только один Лефорту точно знал о двух поданных в этот день, но разных по смыслу прошениях, хотя еще не был в курсе их содержания.

Более точные отчеты появились в последующих депешах от 2–16 марта. Согласно этим уточненным сведениям, во дворец явились около 150 человек (по Вестфалену, Лефорту, Маньяну и Рондо); это число примерно соответствует известным нам по второй появившейся в этот день челобитной 166 подписям находившихся во дворце лиц. Далее дипломаты отметили подачу не одного, а двух прошений, разделенных по времени. Согласно Лефорту и Маньяну, первую челобитную с «чрезвычайно умеренными условиями касательно образа правления» подал князь Г.Д.Юсупов; по данным Вестфалена — он же вместе с А.М.Черкасским и Г.П.Чернышевым; по депеше Лириа — Юсупов и Черкасский. Только сам В.Н.Татищев указал в своей «Записке», что читал это прошение Анне.¹⁵⁰

Анна подписала поданное ей прошение. В это время, согласно донесению де Лириа, гвардейцы и кавалергарды потребовали возвращения императрице законных прав и бросились к ее ногам с криками: «Государыня, мы верные рабы вашего величества, верно служим вашим предшественникам и готовы пожертвовать жизнью на службе вашему величеству, но мы не потерпим ваших злодеев! Повелите, и мы сложим к вашим ногам их головы!»¹⁵¹ Майор Преображенского полка С.А.Салтыков предложил «обуздать всякого, кто осмелится высказать противное мнение».

Г.А.Протасов и А.Б.Плотников сомневались в наличии гвардейского выступления, хотя и с разных позиций: первый автор главную причину краха «конституционной» попытки видел в неоднородности самих депутатов и наличии среди них сторонников самодержавия, которые использовали для этого подачу первого прошения; второй убежден в том, что все уже было решено, поскольку «мысль о восстановлении самодержавия... уже прочно утвердилась, оставалось только решить, как лучше воплотить ее в жизнь».¹⁵² Второе прошение подписывали другие люди, из чего А.Б.Плотников сделал логичный вывод об организации «спектакля» усилиями заинтересованных в восстановлении самодержавия лиц.

Действительно, о выступлении гвардейцев Вестфален, Рондо и Лефорту ничего не сообщают (эти известия есть у де Лириа и Маньяна).¹⁵³ О количестве «конституционалистов» и степени твердости их убеждений можно спорить. Но это вовсе не исключает «давления со стороны приверженцев самодержавия» на собравшихся во дворце дворян,¹⁵⁴ а в какой именно форме оно проявилось — не так важно. Зато такое давление помогает понять произошедшую с явившимися во дворец метаморфозу: подачу одного за другим разных по смыслу прошений.

В 1730 г., как и в 1725 г., не было конспиративного заговора и ворвавшихся в зал гренадеров. Но гвардейские офицеры во дворец пришли и сыграли весьма активную роль, что зафиксировали подписи под первым и вторым прошениями.¹⁵⁵ Первое подписали 20 гвардейцев. Большинство из них потом явилось во дворец, поскольку они же (за исключением пяти человек¹⁵⁶) подписали и второе прошение — о восстановлении самодержавия.

Строевые списки и другие документы Преображенского полка позволяют поименно назвать этих участников: капитаны С.Шемякин, А.Раевский, Ф.Шушерин, С.Епишков, Ф.Полонский; капитан-поручики А.Замыцкий, П.Колокольцов, П.Черкасский, Ф.Матвеев; поручики А.Лопухин, П.Ханыков; подпоручик Д.Золотилов во главе со своим майором С.А.Салтыковым и его сыном, подпоручиком П.С.Салтыковым. Все они подписали первое прошение, но не подписывали до того никаких проектов. Возможно, они не ожидали, что императрице опять предложат какие-то условия, как и очевидец и участник этого события бригадир И.М.Волынский, который не увидел в первой челобитной ничего, кроме просьбы, «чтобы быть в Верховном совете двадцати одной персоне и выбирать их балтированием», о чем написал своему родственнику, казанскому губернатору А.П.Волынскому.¹⁵⁷

В том же письме Волынский указал и на то, что вторую в этот день челобитную он вместе с другими собравшимися подал «за опасностью». Скорее всего, такая «опасность» как раз и проявилась в лице недовольных гвардейских офицеров. Возможно, их уже соответствующим образом подготовили; Рондо сообщил об удвоении караулов 25 февраля. К тому же, по донесению Лефорту, императрица уже вечером 24 февраля приказала своему двоюродному брату майору Преображенского полка С.А.Салтыкову «взять на себя обязанность принимать доклады» и командовать полком и караулами. Рондо узнал о том, что в ночь перед описанным событием В.Л.Долгоруков покинул дворец, где до того бессменно опекал Анну;¹⁵⁸ эти сведения передавались дипломатами уже во второй, уточненной версии событий (соответственно в депешах от 2 и 9 марта).

Если это так, то можно говорить о том, что переворот, во-первых, не являлся внезапной импровизацией, а был подготовлен; во-вторых, он начался уже вечером 24 февраля, когда Верховный Тайный совет утратил власть над дворцом и его охраной. Не случайно было выбрано и время подачи прошения: 25 февраля было последним днем дежурства преобразенцев, с 26-го их сменяли на караулах семеновцы.

К однополчанам подошло «подкрепление» — капитаны С.Пырский и П.Мельгунов; капитан-поручик И.Крамер; поручики И.Зиновьев, Ф.Мещерский, А.Микулин, Ф.Тюменев, А.Татищев, С.Г. и Г.Г.Юсуповы; подпоручики В.Бестужев, В.С.Салтыков, Н.П.Салтыков, Я.Крамер, П.Румянцев и А.Кантемир; полковые адъютанты С.Ресин и И.Беклемишев, полковой секретарь И.Булгаков и только что произведенный Анной прапорщик Г.Обухов. Их подписи стоят под вторым прошением вместе с подписями указанных выше офицеров; но ранее они также ни в какой «политике» замечены не были и появились, как и в памятном многим из них январе 1725 г., явно «с намерением»: они не являлись обычным карау-

лом, который, судя по повседневным приказам, включал только трех-четырех офицеров.

Иные из них (П.Мельгунов, П.Ханыков, П.Салтыков, Я.Крамер, Г.Г.Юсупов) недавно приветствовали императрицу во Всехсвятском и несли при ней караул.¹⁵⁹ Предполагать, что все эти гвардейцы, равно как и появившаяся и оставившая свои подписи под вторым прошением «команда» кавалергардов, были сторонними зрителями или — тем более — «конституционалистами», у нас оснований нет. Строго говоря, гвардейцам незачем было буйнить и бряцать оружием; само наличие сплоченной группы гвардейских офицеров (37 человек, включая семеновского майора М.С.Хрушова и подполковника С.А.Салтыкова) и кавалергардов (36 человек) было достаточным аргументом для «добровольного» обращения к Анне о принятии «самодержавства».

Второе прошение обращает на себя внимание также составом прочих подписавших его лиц. Как и в случае с первым прошением, мы видим группу высокопоставленных чиновников, участвовавших в составлении «проекта 364» и «проекта 15». Это генералы И.Ф.Барятинский, С.И.Суккин, Г.П.Чернышев, Г.Д.Юсупов, А.И.Тараканов, А.И.Ушаков; действительные статские советники В.Я.Новосильцев, С.В. Секиотов, М.А.Сухотин, М.Г.Головкин, А.К.Зыбин; тайные советники А.М.Черкасский и Д.А.Шепелев. Видимо, некоторые из них стремились должным образом оправдаться при перемене «конъюнктуры».¹⁶⁰

Под этим документом появились фамилии и других лиц этого же круга, которые первое прошение не подписывали, но пришли сами или были вызваны во дворец. Это генерал М.А.Магюшкин, генерал-майоры С.А.Алабердеев, Л.В.Измайлов, действительные статские советники А.П.Баскаков и П.И.Мусин-Пушкин, придворные М.Д.Олсуфьев, А.Н.Елагин, А.М.Апраксин.

Если предполагать, что именно в этой группе наиболее сильны были «конституционные» настроения, то для давления на них вступили в дело не только гвардейцы. Впервые появилась подпись И.Ю.Трубецкого. Своим авторитетом престарелый боярин и фельдмаршал «агитировал» в пользу Анны, как и другая оказавшаяся во дворце почтенная фигура петровского царствования — Иван Михайлович Головин, генерал-лейтенант, генерал-кригс-комиссар и «главный адмиральский помощник» великого императора, любимый его денщик, умело игравший роль простосердечного и верного слуги.

Но больше всего удивляют, пожалуй, остальные участники этого собрания, вместе с гвардейцами решившие судьбу «кондиций» и прочих преобразовательных планов. Подсчеты показывают, что из 166 человек 62 вообще не подписывали до того никаких документов, в том числе — первого прошения. Вместе с 19 офицерами и чиновниками, подписавшими только первое прошение (но ни одного из предыдущих проектов), их количество составляет 81 человек — почти половину из присутствовавших во дворце 25 февраля.

Среди них были не только гвардейцы и кавалергарды, но и армейские офицеры (неграмотный майор П.Коркачев, капитаны П.Васьков, Д. Сафонов, А.Брылкин, И.Анненков,) симбирский воевода Б.Маевский, обер-

аудитор Ф.Дурасов, камер-паж С.Баклановский, молодой И.И.Бецкой — незаконнорожденный сын И.Ю.Трубецкого; прочие лица, не указавшие чина и звания и неизвестно как оказавшиеся в составе депутации. Все они не имели видимого отношения к предыдущим событиям; мы можем только предполагать, были ли они случайными людьми, примкнувшими к недовольным, или подобранными статистами в руках организаторов этого спектакля. Но свою роль в воздействии на генералов они сыграли.

Под давлением гвардейцев и прочих, случайных или намеренно собранных, защитников монархии собрание решило просить Анну «всемилошвейше принять самодержавство таково, каково ваши славные и достохвалыные предки имели». Все представители генералитета, поддержавшие накануне первое прошение, подписались под этой просьбой, за исключением двух человек — генерал-майора П.Л.Воейкова и сенатора И.Г.Головкина (возможно, они не смогли по какой-то причине прибыть в этот день во дворец). Дополнением к этому главному пункту служила просьба устроить Сенат в составе 21 члена и выбирать сенаторов и губернаторов, «как то при дяде вашего величества е.и.в. Петре Первом установлено было». И уж совсем неопределенно звучало пожелание «форму правительства государства для предбудущих времен ныне уставлять».

Тридцать душ, или Цена «конституции»

Что чувствовали представители российской элиты, только что обсуждавшие программы реформ, а теперь просившие о восстановлении самодержавия, нам неизвестно. Мы также не знаем, кто из них ставил свои подписи по убеждению, а кто — по «конъюнктуре» или «за опасностью». Известен один — правда, весьма специфический — документ, способный пролить свет на мотивы действий одного из главных действовавших в этот день лиц — князя Г.Д.Юсупова.

Комнатный стольник и товарищ детских игр Петра I, князь Григорий Дмитриевич прошел тяжелый и славный путь боевого офицера. Уже в 1707 г. он стал майором родного Преображенского полка, в котором прослужил всю жизнь. С 1719 г. он бессменно состоял членом Военной коллегии и, в отличие от Меншикова, не запятнал своего имени казнокрадством. В 1727 г. во время «свержения» Меншикова он заслужил доверие Верховного Тайного совета и стал подполковником гвардии.

В 1730 г. князь Юсупов подписал «проект 364»; 25 февраля, согласно доносам дипломатов, именно он подавал Анне на подпись прошения (последнее вместе со своими сыновьями-гвардейцами). Немилости Анны в адрес некоторых из участников «конституционного движения» не коснулись князя, ставшего сенатором и генерал-аншефом; но в сентябре этого же 1730 г. он внезапно скончался. Его старший сын Борис Григорьевич преуспел на придворной и административной службе: стал при Анне камергером, затем сенатором и московским губернатором. Дочери повезло меньше.

Княжна Прасковья Юсупова — как видно из ее следственного дела 1735 года в Тайной канцелярии — в том же 1730 г. по доносу родного брата Бориса попала в ссылку за то, что собиралась «склонить к себе на ми-

лость через волшебство» новую императрицу. Отправленная «под начал» во Введенский Тихвинский монастырь княжна вела себя независимо и поддерживала с помощью своей «похабной девки» отношения с кем-то за пределами обители. На допросе прислуга не стала скрывать, что дочь князя тяжело переживала свое заточение и считала началом своих бед те самые события зимы 1730 г., в которых участвовал ее отец.

«Батюшка де мой з другими, а с кем не выговорила, — передавала речи Прасковьи Юсуповой ее служанка, — не хотел было видеть, чтоб государыня на престоле была самодержавная. А генерал де Ушаков — переметчик, сводня; он з другими захотел на престол ей, государыне, быть самодержавною. А батюшка де мой как о том услышал, то де занемог и в землю от того сошел». Это любопытное показание свидетельствует — при всей особенности восприятия политической ситуации своенравной княжной, — что князь Юсупов и другие представители генералитета были не против ограничения власти новой императрицы, но вовсе не являлись убежденными «конституционалистами». Прасковья Юсупова объясняла желание ее отца урезать власть Анны тем, «что наперед слышал, что она будет нам неблагодетельница».¹⁶¹

С момента подачи второго прошения (после 15 часов по журналу Верховного Тайного совета) начался процесс «передачи власти». По приказу Анны были доставлены для публичного «изодрания» подписанные ею «кондиции» и кабинетская печать. Потом А.М.Черкасский и М.М.Голицын-младший отправились в Сенат с приказанием немедленно остановить уже начавшуюся по стране присягу, вернуть все использованные и неиспользованные присяжные листы и готовиться к новой процедуре с 1 ноября.¹⁶² На следующий день правители собрались вшестером (Остерман продолжал «болеть») во дворце для сочинения того, что сами так и не решились сделать: нового текста присяги. Он был представлен царице через нового хозяина двора генерала С.А.Салтыкова и удостоился ее «апробации».

Последним днем заседаний Верховного Тайного совета стало 28 февраля. В этот день «верховники» сами вынесли приговор своему правлению: составили манифест о «принятии самодержавства», который лично отнесли на подпись к императрице вместе с черновиками «пунктов» — Анна явно интересовалась подробностями «затейки» своих противников.¹⁶³

В эти же дни, начиная с 26 февраля, окружение новой самодержицы приняло масштабную политическую акцию по утверждению легитимности нового режима, на которую исследователи, как правило, не обращали внимания. Получалось, что своим самодержавием императрица была обязана 166 собравшимся во дворце дворянам, что немногим отличалось от «выборов» ее «верховниками». Поэтому в Столовой палате Кремлевского дворца была положена копия второго прошения 25 февраля, и началась процедура ее подписания, к которой была привлечена «общественность».

Первыми этот документ подписали муж сестры Анны И.И.Дмитриев-Мамонов и главные герои событий — преображенские майоры В.Нейбуш, А.Лукин, Д.Голенищев-Кутузов и другие офицеры. С пятого листа начинаются подписи архиереев во главе со «смирненным Феофаном». Затем попеременно идут подписи гвардейцев, генералов, офицеров находив-

шихся в Москве полков, чиновников центральных учреждений и контор, придворных — от высших чинов до стряпчих, подключников и «дозорщиков конюшенного ведомства».

«Приложили руки» к прошению ученики «московской академии» и «математической школы», представители «смоленской шляхты» (не умевшие по-русски и подписывавшиеся латинскими буквами) и — на последних листах — московские купцы, мещане городских слобод (Хамовной, Кадашевской, Конюшенной и пр.) и даже случайные приезжие, в их числе серпуховской купец Иван Кожевников и «вологжанин посадский человек Дмитрий Сукин». Основная масса подписей (1182) была получена в первый же день, а всего с 26 февраля по 7 марта 1730 г. прошение подписали 2246 человек.¹⁶⁴

Инициаторы этой пропагандистской акции умело использовали — в отличие от своих противников — тактику «гласности» и старую традицию «земских» челобитных XVII века, хотя и с совершенно противоположными целями. Сотни подписей разного чина подданных придавали должное оформление совершённому государственному перевороту. Но вместе с тем они должны были продемонстрировать всенародную поддержку самодержавной Анны, чтобы не делать ее «восшествие» излишне зависимым от той или иной группы вельмож или гвардейских офицеров. Впрочем, потом участие «общественности» в историческом акте было признано излишним.

В первые дни после победы власти издали манифест, гласивший, что «верные ж наши подданные все единогласно нас просили, дабы мы самодержавство в нашей Российской империи, как издревле наши прародители имели, воспрять изволили, по которому их всенижайшему прошению мы то самодержавство воспрять и соизволили», — но уже через две недели спохватились, т.к. ведь подобная трактовка все же сохраняла представления о подчинении самодержца воле «общенародия». Новый манифест от 16 марта 1730 г. о предстоящем венчании Анны на царство уже не допускал и мысли о каком-либо ином источнике власти: «От единого токмо всевышнего царя славы земнии монархи предержашую и крайне верховную власть имеют». Немедленно началась переприсяга всех служащих империи уже самодержавной Анне. Правда, на российских просторах полицейские порядки органично сочетались с неисполнением самых грозных указов; даже семь лет спустя еще находились в достаточном количестве «неприсяжные люди», которых надлежало разыскивать и сдавать в солдаты как «изменников».¹⁶⁵

Далее последовала раздача «пряников» вместе с пока умеренным применением «кнута» — начинать новое царствование с расправы было бы неуместно. Четвертого марта 1730 г. Верховный Тайный совет был упразднен, а Сенат — как и просило дворянство — восстановлен в составе 21 человека. На первых порах туда вошли как вчерашние «верховники» (за исключением А.Г.Долгорукова), так и их противники — Остерман, И.Ю.Трубецкой, Черкасский, Ягужинский, Салтыков. По случаю коронации раздавались звания, ордена и имена тем, кто помог Анне утвердиться на престоле: Никите Трубецкому, Антиоху Кантемиру, Алексею Черкасско-

му. Новыми статс-дамами двора стали деятельно участвовавшие в борьбе за престол графини Е.И. Головкина, Н.Ф. Лопухина, П.Ю. Салтыкова, баронесса М.И. Остерман и княгиня М.Ю. Черкасская. Сам Остерман был пожалован в графы, гвардейские командиры — И.И. Дмитриев-Мамонов, Г.Д. Юсупов, Г.П. Чернышев — в генерал-аншефы.

При этом новая власть применяла проверенный принцип «разделяй и властвуй». Молодой Иван Долгоруков уже 27 февраля был «выключен» из майоров гвардии, а 5 марта его посадили под домашний арест и потребовали вернуть вещи «из казны нашей». ¹⁶⁶ Одновременно фельдмаршалы В.В. Долгоруков и М.М. Голицын получили от Анны по 7 тысяч рублей. Последнему императрица, кроме того, пожаловала 4 волости в Можайском уезде; жена князя стала первой дамой двора — обер-гофмейстериней, а сам он — президентом Военной коллегии. ¹⁶⁷

Скорее всего, все эти меры были продиктованы соображениями разделить и поссорить влиятельные фамилии. Так и представлял дело испанский посол, считавший возвышение фельдмаршала Голицына делом рук Бирона и К.Левенвольде. ¹⁶⁸ Вестфален же рассказывал, как М.М. Голицын у ног Анны просил ее о прощении и оправдывался тем, что «хотел защитить наше несчастное потомство от такого произвола, назначив благоразумные границы их [монархов. — И.К.] непомерной власти и власти фаворитов, которые немилосердно нас мучили». ¹⁶⁹

Возможно, царские милости означали, что боевые генералы дрогнули в решающий момент? 25 февраля оба фельдмаршала никак себя не проявили, а армейские полки столичного гарнизона не оказали «верховникам» никакой поддержки, тогда как во время чтения утвержденных Анной «кондиций» войска охраняли правителей в Кремлевском дворце. М.М. Голицын скончался в самом конце 1730 г.; его старший брат прожил вдалеке от двора еще несколько лет, прежде чем его обвинили в не слишком значительных по нормам той эпохи служебных злоупотреблениях (покровительство зятю при получении наследства) и заключили в каземат Шлиссельбургской крепости, где Д.М. Голицын умер в 1737 г.

После апрельских коронационных торжеств членов опальной фамилии Долгоруковых отправили пока еще в почетную ссылку — губернаторами и воеводами в Сибирь, Астрахань и Вологду. Вскоре правительство нанесло новый удар. В мае бывший посол в Речи Посполитой С.Г. Долгоруков должен был сдать все служебные документы и отчитаться в расхождении выданных ему на подкуп депутатов сейма средств — 6 тысяч червонцев и мехов на 3 тысячи рублей. ¹⁷⁰ В июле капитаны гвардии произвели обыски в домах Василия Лукича, Сергея и Ивана Григорьевичей, в ходе которых были изъяты все бумаги «о делех ея императорского величества», а заодно и библиотека, переданная в Коллегию иностранных дел, где ее следы теряются. ¹⁷¹

Затем Василий Лукич был навечно заточен в Соловках, а Алексей и Иван Долгоруковы отправились по следам Меншикова в Березов. С собой они увозили, как память о прошлом величии, рукописную книгу о коронации Петра II (где изображалась его «персона, сидящая на престоле, да Россия, стоящая на коленях перед престолом его императорского

величества девою в русском одеянии») и его миниатюрный портрет — подарок невесте. Анна желала избежать любых неожиданностей и бесцеремонно приказала обследовать бывшую соперницу Екатерину Долгорукову в связи со слухами о ее беременности. Последнее, к облегчению императрицы, не подтвердилось; но это нисколько не повлияло на судьбу девушки. Через несколько лет мстительная императрица повелела отобрать ее драгоценности и даже маленький портрет Петра II. ¹⁷²

У опальных были конфискованы вотчины, дома, загородные дворы и, как сообщал указ от имени Анны, «многий наш скорбь, состоящий в драгих вещах на несколько сот тысяч рублей». ¹⁷³ В итоге в ведомство Дворцовой канцелярии перешло почти 25 тысяч душ «бывших князей». ¹⁷⁴ За ними тут же выстроилась очередь, многие владения Долгоруковых перешли в руки новых владельцев — Нарышкиных, А.И. Шаховского, А.Б. Куракина, генерала Урбановича, С.А. Салтыкова; даже знаменитому шуту, отставному прапорщику Балакиреву, достался дом в Касимове. ¹⁷⁵ Челобитчики (Г.П. Чернышев, А.И. Шаховской и другие) прямо просили об «отписных» имениях Долгоруковых и Меншикова; некоторые, как В.Н. Татищев, даже точно указывали количество желаемых «душ» в конкретных уездах.

В 1739 г. на ссыльных обрушилось новое следствие, на этот раз окончательное. Императрица лично утвердила состав суда, приговорившего «бывших князей» к смерти. Осенью этого года «верховники» Алексей и Василий и фаворит Иван Долгоруковы были казнены под Новгородом, а «разрушенная невеста блаженная и вечно достойная памяти императора Петра II девка Катерина» заточена в Томский Рождественский монастырь «под наикрепчайшим караулом». ¹⁷⁶

Смена властей и придворных «кумиров» в очередной раз вызвала волну ожиданий, надежд и попыток разными средствами улучшить или укрепить свое положение. Как в 1725 и 1727 гг., весной 1730 г. на рассмотрение верховной власти хлынул поток челобитных и прошений. В архивной подшивке таких бумаг «о пожалованиях» то и дело встречаются знакомые имена участников недавних событий. Старый генерал-лейтенант Ф.Г. Чекин просил об отставке, бригадиры И.М. Волынский и П. Лачинов — о повышении в чин генерал-майора, а фельдмаршал И.Ю. Трубецкой умолял дать ему соответствующую чину «команду». Но особенно много было гвардейских прошений. О чинах, «дворах» и деревнях» били челом поручики С.Г. и Г.Г. Юсуповы, придворный фендрик Н.Ю. Трубецкой, капитан-поручик А. Замыцкий, поручик П. Ханьков, подпоручики Дубровин и Шестаков и множество других офицеров и унтер-офицеров. ¹⁷⁷

Всем офицерам гвардейских полков императрица дала великолепный обед. Затем, в отличие от прошлых «революций», императрица решила наградить не отдельных лиц, а весь офицерский состав гвардии. До нас дошли черновые бумаги этого дела, которые говорят, что все «лейб-гвардии офицеры просят о пожаловании им за службы в награждение деревень». В ответ власти потребовали собрать точные сведения о службе и имущественном положении гвардейцев, на основании которых и решался вопрос о награде. Милости последовали, как только были конфискованы имения виновных.

Из заготовленных в Преображенском полку списков следует, что новоиспеченные майоры получили от 50 (А.Лукин и В.Нейбуш) до 100 (Д.Голешищев-Кутузов) душ; капитаны — по 40 душ; капитан-поручики — по 30; поручики — по 25; подпоручики и прапорщики — по 20 душ из «отписных» владений А.Г. и В.Л.Долгоруковых и Меншикова. Награды семеновцам были несколько меньше, поскольку основную роль в недавних событиях сыграли преобразенцы. Поэтому только майору С.А.Шепелеву были пожалованы 100 душ, а новоиспеченным майорам М.С.Хрущову и капитану С.Ф.Апраксину — по 50. Остальные капитаны и капитан-поручики получили по 30 душ, нижестоящие чины — еще меньше. При раздаче, очевидно, учитывались конкретные заслуги каждого лица. Кому-то, как преобразенским капитанам А.Т.Раевскому, С.Кишкину и Н.Румянцеву, пожалования увеличили с 40 до 50 душ; другим, как их сослуживцам капитанам С.Пырскому и Ф.Полонскому, уменьшили до 20 и 15.¹⁷⁸

Награды иного рода ожидали рядовых. 26 февраля Анна повелела выдать 141 рубль гвардейцам-именинникам и 38 рублей — новорожденным солдатским детям. В марте 1730 г. дворяне-рядовые получили возможность отправиться в долгосрочный отпуск до конца года, и в одном только Преображенском полку этой милостью воспользовались 400 человек.¹⁷⁹

Особо отличившихся награждали в индивидуальном порядке. Выказавший личную преданность императрице в памятный день 25 февраля преобразенский капитан И.Альбрехт получил 92 двора в Лифляндии, а капитан И.Посников за неизменные нам заслуги — 90 дворов. Больше всего, конечно, получили главные участники событий: С.А.Салтыкову пожаловали 800 дворов, а «переметчику» А.И.Ушакову — 500.¹⁸⁰ В среднем же восстановление самодержавия «стоило» казне примерно 30 душ в расчете на каждого офицера — это была не слишком большая цена за ликвидацию российской «конституции». Но полковые документы показывают, что для многих гвардейцев, оставшихся беспоместными после 20–30 лет выслуги, даже 30 душ являлись совсем не малой наградой.

Попытка введения новой «формы правления» не удалась. «Верховники» — как бы ни расценивать их политические взгляды и цели — оказались неспособными ни выдвинуть приемлемый для «шляхетства» план государственного устройства, ни пойти на компромисс с другими представителями генералитета. Однако и собравшиеся в столице знатные и незнатные дворяне так же не смогли найти общий язык. Нам кажется, что источники вполне подтверждают определение политической культуры шляхетства образца 1730 г. как «композиционной» и притом включавшей в себя не только элементы «петровской» и «допетровской» традиции,¹⁸¹ но пестрый сплав представлений и настроений с разницей в самом уровне осмысления проблемы. К примеру, даже «конституционалисты» сравнивали разные «формы правления» как на уровне анализа заграничного устройства, так и в дискуссии на тему, не много ли вина и водки выпила императрица Екатерина I.

Просвещенно-амбициозные правители, интересующиеся заграничными «формами правления» чиновники, неопытные «прожектеры», недовольные конкретным выбором «благотельницы» вельможи; полковни-

ки и капитаны, сравнивавшие личные достоинства «кандидатов» в императоры; наконец, просто захваченные волной политических споров провинциальные служивые — такой диапазон уровней политической культуры исключал возможность объединения для тех, кого несколько упрощенно делят на «конституционалистов» (или даже «республиканцев») и «монархистов».

К тому же на выбор могли оказать давление «фамильные», корпоративные и карьерные интересы, открывшаяся возможность смелой интригой обеспечить себе счастливый «случай» или вынужденная оглядка на влиятельного и чиновного родственника-«милостивца». Известную роль сыграла и та «великая трусость», о которой с презрением отзывался Феофан Прокопович. Знавший и взлеты, и опалы А.И.Ушаков или осторожнейший А.И.Остерман выбрали проверенный вариант — самодержавие — и не прогадали: стали предметом зависти и осуждения менее удачливых коллег. Рассказ Лефорта (в донесении от 2 марта) о бессильных угрозах фельдмаршала В.В.Долгорукова в адрес генерала Бярятинского показывает, что Ушаков был не единственным «переметчиком». В итоге без особого напряжения победила «партия» сторонников самодержавия, столь же не оформленная организационно, но отстаивавшая привычные и понятные ценности.

Таким образом закончились два государственных переворота 1730 г. Здесь гвардия в первый раз выступила как самостоятельная политическая сила, независимо от воли командиров. Начальники полков — оба фельдмаршала — заседали в Верховном Тайном совете; прочие высшие офицеры (М.А.Матюшкин, Г.Д.Юсупов, И.И.Дмитриев-Мамонов, А.И.Ушаков и др.) в той или иной степени были причастны к сочинению проектов и не сразу высказались в пользу Анны. Главной силой переворота стали уже не они, а старшие по должности и стажу обер-офицеры — прежде всего ротные командиры. В 1730 г. гвардия выступала только на этом «офицерском» уровне, но при этом сохранила еще сплоченность и приверженность своей законной «полковнице».

Вторая характерная черта гвардейского участия в «революции» — это явное преобладание преобразенцев; семеновцы были представлены только майором С.А.Шепелевым, капитаном М.С.Хрущовым, капитан-поручиком С.Ф.Апраксиным и поручиком Н.Ф.Соковниным (капитан А.Усов подписал только первое прошение). Первый полк гвардии становился, таким образом, и первым в политической борьбе; в дальнейшем — в событиях 1740–1741 гг. — эта «традиция» будет закреплена. Некоторые из преобразенских офицеров действовали «за сценой», обеспечивали надежность караулов и изоляцию «верховников» и их единомышленников. Так, фельдмаршал Миних в своих мемуарах отметил капитана И.Альбрехта, чья карьера была «сделана» в этот день. Впоследствии императрица наградила и тех офицеров полка, чьи подписей нет под прошениями.

Символично, что среди восстановителей самодержавия оказался дед первого дворянина-революционера кавалергардский капрал Афанасий Прокофьевич Радишев. В поддержку императрицы выступили многие

кавалергарды «солдатских чинов»; на самом деле это были офицеры не ниже капитанского ранга. Среди присутствовавших и подписавших второе прошение о восстановлении самодержавия мы смогли найти имя только одного гвардейского унтер-офицера — преображенского сержанта Ивана Шетинина.¹⁸² Остальные унтеры и солдаты пока еще находились вне «политики» и исполняли приказы старших. Но дворцовые «революции» окажутся хорошей школой, и через десять лет корпоративность будет утрачена. В последующих «дворских бурях» мы увидим и предприимчивых одиночек, и младших офицеров (и даже солдат) в качестве лидеров, и несогласованность действий разных полков. Гвардия станет весьма опасной и непредсказуемой силой, что будет «платой» за наступившую в 1730 г. стабильность.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ См.: *Безак Х.* Краткое введение в бытописание Всероссийской империи. СПб., 1785. С.155.
² См.: *Мальгин Т.* Зерцало российских государей. СПб., 1794. С.565 (в первом издании 1789 г. известий о событиях 1730 г. нет).
³ См.: *Болтин И.Н.* Примечания на Историю древняя и нынешняя России господина Леклерка. Б.м., 1788. Т.2. С.470-471,476.
⁴ См.: *Глинка С.Н.* Русская история. М., 1823. Ч.8. С.77; История XVIII столетия или обстоятельное описание всех важнейших происшествий и достопамятных перемен, случившихся в осьмнадцатом столетии. М., 1806. Ч.4. С.151-154.
⁵ РС. 1875. № 2. С.388. Подлинник записки см.: РГАДА. Ф.10. Оп.1. № 364.
⁶ См.: Великие и достохвальные деяния российских государей, полководцев, гражданских чиновников и других людей. СПб., 1803. С.102-104.
⁷ См.: *Вейдемейер А.* Обзор главнейших происшествий в России с кончины Петра Великого до вступления на престол императрицы Елисаветы. СПб., 1832. С.109.
⁸ См.: Там же. С.114-125; *Лефорт А.А.* История царствования государыни императрицы Екатерины II. М., 1837. Ч.1. С.80; *Нехачин И.* Новое ядро российской истории. М., 1810. Ч.3. С.24; *Полевой Н.А.* Столетие России с 1745 до 1845. СПб., 1845. Ч.1. С.48-49; *Устрялов Н.Г.* Русская история. СПб, 1855. Ч.2. С.116.
⁹ *Пушкин А.С.* Собр. соч. В 10-ти т. М., 1976. Т.7. С.162.
¹⁰ См.: «О повреждении нравов в России» князя М.Щербатова и «Путешествие» А.Радищева. М., 1985. С.91,94.
¹¹ См.: *Лунин М.С.* Сочинения, письма, документы. Иркутск, 1988. С.146; *Фонвизин М.А.* Сочинения и письма. Иркутск, 1982. Т.2. С.121.
¹² См.: *Соловьев С.М.* Соч. В 18-ти кн. М., 1993. Кн. X. С.204-211.
¹³ См.: *Карнович Е.П.* Замыслы верховников и челобитчиков в 1730 г. // ОЗ. 1872. № 1. С.209-232; № 2. С.489,509-510.
¹⁴ См.: *Корсаков Д.А.* Воцарение императрицы Анны Иоанновны. Казань, 1880. С.88-89,113,147-148,284-285,294-296,301.
¹⁵ См.: ВЕ. 1880. № 11. С.337-342.
¹⁶ См.: Дело. 1881. № 1. С.32,37-38,42; *Белов Е.А.* Верховники и дворянство // Историческое обозрение. СПб., 1891. Т.3. С.96.
¹⁷ См.: *Загоскин Н.П.* Верховники и шляхетство 1730 года. Казань, 1881. С.9-10,20,23,50-51.
¹⁸ См.: *Миллюков П.Н.* Верховники и шляхетство // *Миллюков П.Н.* Из истории русской интеллигенции: Сб. ст. и этюдов. 2-е изд. СПб., 1903. С.13-14,22,33,38.
¹⁹ См.: *Любавский М.К.* Русская история XVIII в. М., 1913. С.41; *Богословский М.М.* Конституционное движение 1730 г. Пг., 1918. С.11,21,25; *Ковалевский М.М.* Очерки по истории политических учреждений России. СПб., 1908. С.97.
²⁰ См.: *Алексеев А.С.* Сильные персоны в Верховном Тайном совете Петра II и роль князя Голицына при воцарении Анны Иоанновны. М., 1898. С.93.
²¹ См.: *Ключевский В.О.* Соч. В 9-ти т. М., 1989. Т.4. С.260,263-264.
²² Там же. С.263,269.
²³ Там же. С.268-269; *он же.* Письма. Дневники. Афоризмы и мысли об истории. М., 1968. С.388.
²⁴ См.: Очерки истории СССР. Россия во второй четверти XVIII в. М., 1957. С.251; История СССР с древнейших времен до конца XVIII в. М., 1983. С.321; Очерки русской культуры XVIII века. М., 1987. Ч.2. С.14; История Европы. М., 1994. Т.4. С.405.

- ²⁵ См.: *Протасов Г.А.* «Кондиции» 1730 г. и их продолжение // Уч. зап. Тамбовского педагогического ин-та. Тамбов, 1957. Вып.15. С.215-231; *он же.* Записки Татищева о «произвольном распусшении» дворянства в событиях 1730 г. // Проблемы источниковедения. М., 1963. Вып.ХI. С.246-253; *он же.* Верховный Тайный совет и его проекты 1730 года (источниковедческое изучение) // Источниковедческие работы. Тамбов, 1970. Вып.1. С.65-103; *он же.* Дворянские проекты 1730 г. (источниковедческое изучение) // Там же. 1971. Вып.2. С.61-102; *он же.* Существовал ли «политический план» Д.М.Голицына? // Там же. 1973. Вып.3. С.90-107.
²⁶ См.: *Анисимов Е.В.* Россия без Петра: 1725-1740. СПб., 1994. С.179,191; *Павленко Н.И.* Вокруг трона. М., 1999. С.534-535,540-541.
²⁷ *Плотников А.Б.* Ограничение самодержавия в России в 1730 г.: идеи и формы // ВИ. 2001. № 1. С.66.
²⁸ См.: *Гордин Я.А.* Меж рабством и свободой: 19 января — 25 февраля 1730 года. СПб., 1994. С.160,165,153.
²⁹ См.: *Седов С.А.* Попытка государственного переворота 1730 года в России // ВИ. 1998. № 7. С.56; *Шешин А.Б.* Революционное и освободительное движение в России (этапы и цели) // Там же. 1999. № 9. С.42-43; *Янов А.* Тень грозного царя: загадки русской истории. М., 1997. С.149.
³⁰ *Anderson M.* Europe in the Eighteenth Century. Lnd., 1970. P.180.
³¹ См.: *Donner E.* Das russische Zarenreich: Aufstieg und Untergang einer Weltmacht. München, 1992. S150,152; *Dukes P.* The Making of Russian Absolutism. Lnd., 1982. P.106; *Fenster A.* Anna, 1730-1740 // Die russischen Zaren: 1547-1917. München, 1995. S.194; *Meehan-Waters B.* Autocracy and Aristocracy: The Russian Service Elite of 1730. New-Brunswick, 1982. P.145; *Ransel D.* «The Government Crisis of 1730» // Reform in Russia and the USSR: Past and Prospects. Chicago, 1989. P.60,66-67.
³² См.: *Kivelson V.* Kinship Politics / Autocratic Politics: A Reinterpretation of Early Eighteenth Century Political Culture // Imperial Russia: New Histories for the Empire. Bloomington, 1998. P.15,18; *Meehan-Waters B.* Op. cit. P.158.
³³ Недавняя по времени публикация, к сожалению, является простой перепечаткой «кондиций» и ряда проектов по изданию 1871 г. и монографии Д.А.Корсакова 1880 г. (см.: Конституционные проекты в России XVIII — начала XIX вв. М., 2000. С.167-193). А.Б.Плотников предпринял научное издание четырех документов: «пунктов присяги» и ее черновиков, а также записки В.Л.Долгорукова (см.: *Плотников А.Б.* Программный документ Верховного Тайного совета в 1730 г. // Россия в XVIII столетии. М., 2002. Вып.1. С.38-49).
³⁴ См.: *Корсакова В.Д.* Дипломатические депеши датского посланника при русском дворе Вестфалена о воцарении императрицы Анны Иоанновны // РС. 1909. № 1. С.199.
³⁵ См.: Сб. РИО. Т.15. С.401; Т.5. С.345.
³⁶ См.: *Корсаков Д.А.* Указ. соч. С.5.
³⁷ РГАДА. Ф.3. Оп.1. № 6. Л.1.
³⁸ Цит. по: *Пирлинг П.* Делегация Виллардо кардиналу Флери от 30 января 1730 г. // РС. 1893. № 11. С.281-282.
³⁹ См.: *Лириа де Я.* Записки о пребывании при императорском российском дворе в звании посла короля испанского // Россия XVIII в. глазами иностранцев. Л., 1989. С.235; *Феофан Прокопович.* История о избрании и восшествия на престол блаженныя и вечно достойныя памяти государыни императрицы Анны Иоанновны. СПб., 1837. С.13; Сб. РИО. Т.66. С.155.
⁴⁰ См.: *Dukes P., Meehan-Waters B.* A Neglected Account of the Succession Crisis of 1730: James Keith's Memoir // Canadian-American Slavic Studies. 1978. Vol.12, № 1. P.177.
⁴¹ Сб. РИО. Т.15. С.403. Мардефельд уверенно называл и две обсуждавшиеся кандидатуры — Елизаветы и Анны Иоанновны.
⁴² См.: *Корсакова В.Д.* Дипломатические депеши датского посланника при русском дворе Вестфалена о воцарении императрицы Анны Иоанновны // РС. 1909. № 1. С.201.
⁴³ См.: Письмо о России в Испанию испанского посланника в России при императоре Петре II и в начале царствования Анны Иоанновны // Оснадцатый век. М., 1869. Кн.II. С.197; Сб. РИО. Т.15. С.405. Автор одной из работ о цесаревне утверждал, что находившийся в Москве А.Б.Бутурлин «хлопотал здесь в ее интересах»; но сама Елизавета так и не приехала в столицу (см.: *Стромилов Н.С.* Цесаревна Елизавета Петровна в Александровской слободе // ЧОИДР. 1874. Кн.1. С.16 отд. пар).
⁴⁴ В записке секретаря совета В.П.Степанова указывается, что Остерман после долгих отговорок «как стигль вести сказывал», а «более диктовал» текст «кондиций» В.Л.Долгоруков (см.: *Бестужев-Рюмин К.Н.* Документы о восшествии на престол императрицы Анны Иоанновны // Памятники новой истории России. СПб., 1871. Т.1. Отд.2. С.10).
⁴⁵ Цит. по: *Корсаков Д.А.* Указ. соч. С.17-18.
⁴⁶ См.: РГАДА. Ф.3. Оп.1. № 6. Л.3,4.
⁴⁷ См.: *Корсаков Д.А.* Указ. соч. С.7.
⁴⁸ См.: РГАДА. Ф.3. Оп.1. № 5. Л.6.
⁴⁹ Цит. по: Там же.
⁵⁰ См.: Там же. № 6. Л.14 об.
⁵¹ См.: Там же. № 5. Л.10,20,22.
⁵² Переписку посольства с Верховным Тайным советом см.: РГАДА. Ф.156. Оп.1. № 202. Л.3-3 об.,27,52.

⁵³ См.: Там же. Л.15,55 об. В этом же деле находится и переписка о лошадях и подводах, и «Журнал походной от Митавы в Москву ее величества великой государыни Анны Иоанновны». См. также: Сб. РИО. Т.101. С.430. Феофан Прокопович не зря упрекал «верховников» в «поспешной» доставке императрицы с риском для ее здоровья: по дороге ей приходилось даже ночевать в санях на улице (см.: *Феофан Прокопович*. Указ. соч. С.28; РГАДА. Ф.156. Оп.1. № 202. Л.96).

⁵⁴ См.: *Феофан Прокопович*. Указ. соч. В одной из копий этого сочинения из «портфелей Миллера» (см.: РГАДА. Ф.199. Оп.1. «Портфель» 150. Ч. VIII. № 7. Л.1-18 об.) указано, что его подлинник имелся в библиотеке П.Б.Шереметева; но найти его нам не удалось. Издателю памфлета А.Терещенко была известна «записка о кончине Петра II и вступлении на престол Анны Иоанновны», авторство которой он также приписывал Феофану. Эта «записка» представляется нам более ранним вариантом того же сочинения: там еще упоминаются посланные Анне «пункты», рассказывается опущенная затем история осылке Сумарокова; говорится в ней и о поданных «от Сената и от генералитета и от прочих чинов» проектах (см.: РГАДА. Ф.2. Оп.1. №3 4. Л.1-8).

⁵⁵ Неопубликованными и неиспользованными, к сожалению, остаются депеши австрийского посла Вратислава и голштинского посланника Бонде. Они как раз, судя по донесениям их дипломатических соперников, проявляли максимальную активность в эти дни: держава Габсбургов срочно запрашивала военную помощь согласно договору 1726 г., а голштинцы стремились возвести на престол маленького Петра-Ульриха — внука Петра I и сына своего герцога.

⁵⁶ См.: Письма о России в Испанию... Кн. II. С.30; Сб. РИО. Т.5. С.345; Т.75. С.458; Т.15. С.405. В публикации депеш Рондо имеется пропуск с 19 января до 2 февраля 1730 г., что маловероятно; но принципы отбора документов и передачи текста в этом издании РИО не оговорены.

⁵⁷ Цит. по: *Корсакова В.Д.* Дипломатические депеши датского посланника при русском дворе Вестфалена о воцарении императрицы Анны Иоанновны // РС. 1909. № 2. С.265-286.

⁵⁸ Последние по времени утверждения о наличии плана см.: *Вдовина Л.Н.* Дворянский конституционализм в политической жизни России XVIII в. // *Монархия и народовластие в культуре Просвещения*. М., 1995. С.38; *Гордун Я.А.* Указ. соч. С.167-174; *Попов Д.Ф.* Проблемы российской абсолютной монархии в русской исторической науке. М., 1999. С.94.

⁵⁹ Суть аргументации Г.А.Протасова состоит в том, что при реконструкции возникших за месяц «конституционного» правления проектов в канцелярии Верховного Тайного совета для какого-либо подобного «плана» просто не оставалось места в ряду датированных и близких по содержанию (или последовательно редактируемых и дополнявшихся) документов. Каких-либо следов наличия «плана» среди относительно неплохо сохранившихся бумаг Совета не обнаружено (см.: *Протасов Г.А.* Существовал ли «политический план» Д.М.Голицына. С.90-107). Ранее существование такого плана отрицал А.А.Кизеветтер (см.: *Кизеветтер А.А.* Дворянские политические проекты 1730 г. // *Науч. тр. Русского народного ун-та в Праге*. Прага, 1929. Т.2. С.82).

⁶⁰ См.: Письма о России в Испанию... Кн. II. С.34-35; Сб. РИО. Т.5. С.347-348; Т.75. С.476; Т.66. С.134.

⁶¹ Маньян и Рондо в донесениях не называют имен; однако один из источников французского резидента известен по его ранним депешам. Это Алексей Юров — дворянин из придворных Екатерины I, поставивший свою подпись под «проектом 364». У испано-шотландского аристократа герцога Лириа был иной круг знакомств, нежели у только что прибывшего и занятого торговыми делами английского консула и бесчиновного француза: он называл в числе своих источников «магнатов» — в частности, Черкасского и Ягужинского. Лефорт же являлся не только родственником знаменитого петровского «дебосана», но прожил на службе в России около 20 лет и своими «друзьями» называл обоих фельдмаршалов — М.М.Голицына и В.В.Долгорукова.

⁶² См.: Сб. РИО. Т.66. С.136.

⁶³ См.: Там же. Т.5. С.345. О таких же настроениях сообщает и приведенное в переписке Маньяна письмо некоего француза из Москвы: «Одни хотят ограничить права престола властью парламента, как в Англии; другие — как в Швеции; иные думают сделать престол избирательным, по примеру Польши; иные же, наконец, высказывают мнение, что нужно разделить всю власть между вельможами, находящимися в государстве, и образовать аристократическую республику» (Сб. РИО. Т.75. С.466-467).

⁶⁴ См.: *Протасов Г.А.* Дворянские проекты 1730 г. С.61-102. Проекты публиковались в приложении к монографии Д.А.Корсакова, в 1871 г. (см.: *Бестужев-Рюмин К.Н.* Указ. соч. С.6-8.), донесениях дипломатов и указанной статье самого Г.А.Протасова (С.99.).

⁶⁵ Д.А.Корсаков неправильно подсчитал подписи под самым «массовым» экземпляром этого проекта (ср.: *Корсаков Д.А.* Указ. соч. Приложение. С.22-48). Наш подсчет по архивному подлиннику показывает, что на самом деле их не 326, а 329. Под третьим экземпляром имеется 7 подписей. Итого получается: 329 + 28 + 7 = 364 (все три экземпляра с подписями см.: РГАДА. Ф.3. Оп.1. № 4. Л.45-45 об. (28 подписей); № 6. Л.16 об.-24 (329 подписей), 25-25 об. (7 подписей)).

⁶⁶ О рукописях и публикациях этих проектов см.: *Протасов Г.А.* Дворянские проекты 1730 г. С.75-82,90-93.

⁶⁷ Этот документ появился уже после событий и представляет собой авторскую переработку «проекта 364» в записке «Произвольное и согласное рассуждение собравшегося шляхетства русского о правлении государственным» — что, разумеется, не исключает активного участия самого Татищева в «движении» 1730 г. и составлении указанных проектов (см.: *Протасов Г.А.* Дворянские

проекты 1730 г. С.82-89; *он же*. Записка Татищева о «произвольном рассуждении» дворянства в событиях 1730 г. С.246-253).

⁶⁸ «Проект 364» опубликован по копии (см.: *Бестужев-Рюмин К.Н.* Указ. соч. С.4-5), нами цитируется по беловому экземпляру из бумаг Верховного Тайного совета (см.: РГАДА. Ф.3. Оп.1. № 4. Л.45-45 об.). «Проект 15» опубликован в переводе с немецкого (см.: *Корсаков Д.А.* Указ. соч. Приложение № 1. С.9-11), нами цитируется по копии из бумаг Верховного Тайного совета (см.: РГАДА. Ф.3. Оп.1. № 4. Л.49-50).

⁶⁹ См.: *Протасов Г.А.* Верховный Тайный совет и его проекты 1730 года. С.73. Все три редакции находятся в одном деле (см.: РГАДА. Ф.3. Оп.1. № 4. Л.25-31,32-41,16-23 об.; черновые заметки см.: Там же. Л.5-9).

⁷⁰ См.: РГАДА. Ф.3. Оп.1. № 4. Л.18.

⁷¹ Там же. Л.25 об., 34. Указанные особенности текста документа, за исключением последней, отмечены в недавней публикации А.Б.Плотникова (см.: *Плотников А.Б.* Программный документ Верховного Тайного совета в 1730 г. С.41).

⁷² См.: *Лонгинов М.Н.* Русский генералитет в начале 1730 г. (по списку П.Ф.Карабанова) // *Османский век*. Кн. III. С.161-177; *Meehan-Waters B.* Op. cit. P.170-202. В опубликованном списке содержится еще целый ряд неточностей: среди генерал-майоров нет указанных в списке Вица и Штафа — зато есть Л.Шток и В.Витвер; генерал-майор Панин не Андрей Васильевич, а Алексей Иванович; генерал Потемкин — Алексей Михайлович, а не Иванович; вице-губернатор Москвы — не Петр Борисович, а Петр Иванович Вельяминов-Зернов.

⁷³ См.: Протоколы, журналы и указы Верховного Тайного совета // Сб. РИО. Т.79,84,94,101; РГВИА. Ф.489. Оп.1. № 7395.

⁷⁴ См.: *Волков Н.Е.* Двор русских императоров в его прошлом и настоящем. М., 2001. С.141-199; *Опись высочайшим указам и повелениям, хранящимся в Санкт-Петербургском Сенатском архиве за XVIII век*. СПб., 1875. Т.2.

⁷⁵ Исследование проводилось по материалам Военной коллегии (см.: РГВИА. Ф.489. Оп.1. № 7395, 7387 (Списки генералитета и штаб-офицеров 1729 г. и 1738 г.); Ф.2583. Оп.1. № 132,146,154,159,163,170; Ф.2584. Оп.1. № 86 (документация гвардейских полков); Верховного Тайного совета (см.: РГАДА. Ф.16. Оп.1. № 48 (донесения Верховному Тайному совету из Герольдмейстерской конторы), учетных данных Сената (см.: РГАДА. Ф.248. Оп.17. № 1155) и книг Герольдмейстерской конторы (см.: РГАДА. Ф.286. Оп.1. № 63,75,106,108,117,119,122,125,133,143)). Использовались, к сожалению, не датированный, список отставных офицеров (см.: Список военным чинам первой половины XVIII столетия // *Сенатский архив*. СПб., 1895. Т.7. С.636-811) и список морских офицеров (см.: *Общий морской список*. СПб., 1885-1890. Ч.1-2).

⁷⁶ Во-первых, в своей сводке участников «проекта 364» Д.А.Корсаков в ряде случаев указывал отчества, тогда как, за немногочисленными исключениями, подписи состоят только из имени и фамилии. Поэтому, например, среди участников, скорее всего, был вместо названного им Ивана Ивановича Пушкина, служившего с 1659 г., Иван Калинович Пушкин (см.: Род и предки А.С. Пушкина. М., 1995. С.253,413). Этот же проект подписал не Петр Леонтьевич, а Петр Васильевич Ермолов (см.: *Ермолов А.* Род Ермоловых. М., 1912. С.105). Во-вторых, в 13 случаях Корсаков неверно прочел имена или фамилии подписавшихся лиц.

⁷⁷ Эта работа с приложением уточненного списка участников «проекта 364» и их биографическими данными будет опубликована отдельно.

⁷⁸ См.: *Курукин И.В.* «Время, чтобы самодержавию не быть» (генералитет, дворянство и гвардия в 1730 г.) // ОИ. 2001. № 4. С.3-18; № 5. С.12-21.

⁷⁹ См.: Сб. РИО. Т.94. С.762-764; Т.101. С.159-163.

⁸⁰ Наличие такого раскола важно при тесных родственных связях, характерных для 2/3 генералитета (см.: *Dixon S.* The Modernisation of Russia, 1676-1825. Cambridge, 1999. P.137).

⁸¹ См.: Две записки Татищева, относящиеся к царствованию императрицы Анны // *Утро: Литературный сб.* М., 1859. С.378. Современную публикацию того же документа см.: *Татищев В.Н.* Избр. произведения. Л., 1979. С.146-153.

⁸² Приписка сделана к копии «проекта 364» (*Бестужев-Рюмин К.Н.* Указ. соч. С.5.). На основании этих данных появились утверждения о «расколе» гвардии в 1730 г. на сторонников и противников самодержавия (см.: *Смирнов Ю.Н.* Русская гвардия в XVIII в. Куйбышев, 1989. С.67).

⁸³ См.: *Бестужев-Рюмин К.Н.* Указ. соч. С.5. Ср.: РГАДА. Ф.6. Оп.1. №211. Ч.1. Л.91-92.

⁸⁴ См.: РГВИА. Ф.2584. Оп.1. № 86 (послужные списки офицеров Семеновского полка 1730 г.); № 81 (приказы по Семеновскому полку 1730 г.); Ф.2583. Оп.1. № 125 (список штаб, обер- и унтер-офицеров Преображенского полка 1727 г.); № 142 и 154 (именные повеления по Преображенскому полку); № 163,164 (списки штаб, обер- и унтер-офицеров Преображенского полка 1731 г.).

⁸⁵ См.: РГАДА. Ф.16. Оп.1. № 36 (донесения в Верховный Тайный совет по Преображенскому полку); Ф.20. Оп.1. № 61 (доклады и ведомости от полков лейб-гвардии).

⁸⁶ В 1729 г. в Москве присутствовал и армейский капитан В.Линев (см.: РГАДА. Ф.286. Оп.1. № 108. Л.68). Кроме гвардейца С.Телепнева, известный член Берг-коллегии с таким именем (см.: *Опись высочайшим указам и повелениям, хранящимся в Санкт-Петербургском Сенатском архиве за XVIII век*. Т.2. № 3206) и отставной полковник С.Г.Телепнев.

⁸⁷ Нечиновные гвардейцы были уже немолодыми людьми: А.Мякинина, В.Писарева, С.Нестерова, Ф.Рахманинова, П.Мансурова выпускали в отставку или в армию «овер-офицерскими чинами» как «закосневших в солдатстве» (см.: РГВИА. Ф.2583. Оп.1. № 142. Л.108-110; № 146. Л.5-9 об.). Мнение Д.А.Корсакова о том, что Ф.Рахманинов принимал участие в дворцовом перевороте 1741 г., неосновательно: лейб-кампанец Елизаветы стал другой представитель этого же рода (см.: *Корсаков Д.А.* Указ. соч. Приложение. С.40; *Василенко Н.П.* Исторические сведения о роде дворян Рахманиновых. Киев. 1915. С.28-29,37).

⁸⁸ См.: РГВИА. Ф.2583. Оп.1. № 155. Л.5 об., 7 об.,8.

⁸⁹ См.: *Kivelson V.* Op. cit. P. 18; *Le Donne J.* Ruling Families in the Russian Political Order, 1689-1725 // *Cahiers du monde russe et soviétique.* 1987. Vol.28, № 3-4. P.296.

⁹⁰ См.: *Le Donne J.* Op. cit. P.264-265,274-275,284,292.

⁹¹ Среди подписей под «проектом 364» мы видим пятерых Ржевских: неизвестного по генеалогической росписи майора И.И.Ржевского, представителя старшего поколения статского советника А.Т.Ржевского, его племянника морского офицера М.В.Ржевского и еще двух моряков и внучатых племянников – А.И. и П.И.Ржевских. При этом сестра последних была замужем за камер-юнкером и шталмейстером двора царицы Евдокии А.Ф.Лопухиным (его подпись также стоит под тем же проектом); а тетка была женой П.И.Мусина-Пушкина, вместе с отцом и братом подписывавшего оппозиционные проекты. Двоюродная сестра А.Т.Ржевского, Авдотья Ивановна, была замужем за еще одним из главных участников событий – генералом Г.П.Чернышевым и впоследствии стала одной из любимых статс-дам императрицы Анны Иоанновны (см.: *Телетова Н.К.* История рода Ржевских // Род и предки А.С.Пушкина. М., 1995. С.381-382).

⁹² См.: *Долгоруков Ф.С.* Долгорукие, Долгоруковы и Долгорукие-Аргутинские. СПб., 1913. Т.2. С.59 и далее.

⁹³ См.: *Meehan-Waters B.* Autocracy and Aristocracy. P.159.

⁹⁴ Империя после Петра, 1725-1765 /Яков Шаховской. Василий Нащокин. Иван Неплюев. М., 1998. С.242.

⁹⁵ Цит. по: *Dukes P., Meehan-Waters B.* Op. cit. P.178.

⁹⁶ Перевороты и войны /Христиан Манштейн. Бурхард Миних. Эрнст Миних. М., 1997. С.292-293.

⁹⁷ Сб. РИО. Т.75. С.466-467; Т.66. С.137

⁹⁸ См.: *Корсакова В.Д.* Дипломатические депеши датского посланника при русском дворе Вестфалена о воцарении императрицы Анны Иоанновны // РС. 1909. № 2. С.292; Сб. РИО. Т.5. С.351; *Dukes P., Meehan-Waters B.* Op. cit. P.177.

⁹⁹ См.: Сб. РИО. Т.75. С.476-477; Т.5. С.348; Т.66. С.136; Т.15. С.408; *Корсакова В.Д.* Дипломатические депеши датского посланника при русском дворе Вестфалена о воцарении императрицы Анны Иоанновны // РС. 1909. № 2 С.281

¹⁰⁰ РГАДА. Ф.6. Оп.1. № 171. Л.1-2 об., 3 об.-4 об., 184 об.

¹⁰¹ См.: Сб. РИО. Т.66. С.136; Т.15. С.412; Письма о России в Испанию... Кн.П. С.40.

¹⁰² *Феофан Прокопович.* Указ. соч. С.18. В другой записке Феофан вспоминал «безбожную некую душу», которая «похваляла» казнь английского короля в 1649 г. (см.: Изъяснения, каковы были неких лиц умысел, затейки и действия в призове на престол е.и.в. // *Бестужев-Рюмин К.Н.* Указ. соч. С.15).

¹⁰³ Цит. по: *Соловьев С.М.* Соч. Кн.Х. С.211.

¹⁰⁴ См.: *Пуфендорф С.* Введение в историю европейскую. СПб., 1718. С.10. Там же можно было ознакомиться с событиями английской революции XVII в. и с не слишком лестной оценкой отечественных порядков: «Рабский народ рабско смиряется и жестокостию власти воздержаться в повиновении любят» (Там же. С.407). Неизвестно, насколько это сочинение было знакомо российскому шляхетству; однако при Анне Иоанновне в 1731 г. экземпляры книги Пуфендорфа было приказано изъять из обращения «без всякого удержания и утайки» (см.: *Тихонравов К.Н.* Указ Синода об отобрании книги «Введение в историю европейскую» // РС. 1895. № 12. С.148).

¹⁰⁵ См.: *Бестужев-Рюмин К.Н.* Указ. соч. С.7.

¹⁰⁶ Цит. по: *Кантемир А.Д.* Собрание стихотворений. Л., 1956. С. 373.

¹⁰⁷ Цит. по: *Корсакова В.Д.* Дипломатические депеши датского посланника при русском дворе Вестфалена о воцарении императрицы Анны Иоанновны // РС. 1909. № 2. С.281.

¹⁰⁸ *Феофан Прокопович.* Указ. соч. С.18.

¹⁰⁹ РС. 1875. № 2. С.388. Подлинник записки см.: РГАДА. Ф.10. Оп.1. № 364.

¹¹⁰ Только Маньян передал разговор с кем-то, «знакомым с историей своей страны»: неназванный собеседник знал, что «последний царь, владевший российским престолом перед тем, как он перешел к роду Романовых» сам предложил «ограничить абсолютную власть с целью избавить свой народ от тяжкого рабства», но предложение было отвергнуто «знатнейшими лицами в государстве» (Сб. РИО. Т.75. С.506).

¹¹¹ Это уже отмечалось в литературе: см.: *Madariaga I.* Portrait of an Eighteenth-Century Russian Statesman: Prince Dmitry Mikhailovich Golitsin // *Slavonic and East European Review.* 1984. Vol.62, № 1. P.59; *Ransel D.* Op. cit. P.49.

¹¹² См.: *Татищев В.Н.* Избр. произведения. С.148.

¹¹³ Порой усердие преобладало над способностями: в качестве «великого посла» в Константинополе и обер-комиссара в полевой армии Голицын допускал оплошности по неопытности и излишней «уперливости» характера (см.: *Седов С.А.* Д.М.Голицын (1663-1737 гг.): государственная и общественно-политическая деятельность. Автореферат дисс. канд. ист. наук. М., 1996. С.10-15).

¹¹⁴ См.: РГАДА. Ф.7. Оп.1. № 126. Л.14-15,58.

¹¹⁵ Сб. РИО. Т.66. С.158-159.

¹¹⁶ *Посошков И.* Книга о скудости и богатстве и другие сочинения. М., 1951. С.58.

¹¹⁷ Цит. по: *Корсакова В.Д.* Дипломатические депеши датского посланника при русском дворе Вестфалена о воцарении императрицы Анны Иоанновны // РС. 1909. № 2. С.283.

¹¹⁸ *Татищев В.Н.* История Российская. М.-Л., 1962. Т.1.С.87.

¹¹⁹ См.: *Юхт А.И.* В.Н.Татищев о реформах Петра I // Общество и государство феодальной России. М., 1975. С.211-217.

¹²⁰ *Татищев В.Н.* Лексикон Российской исторической, географической, политической и гражданской. СПб., 1793. Ч.1. С.234-235.

¹²¹ См.: *Плеханов Г.В.* История русской общественной мысли // *Плеханов Г.В.* Соч. В 24-х т. М.-Л., 1925. Т.21. С.191.

¹²² См.: *Павлов-Сильванский Н.П.* Проекты реформ в записках современников Петра Велико-го. СПб., 1897. С.118.

¹²³ См.: РГАДА. Ф.3. Оп.1. № 5. Л.36-37,38,43.

¹²⁴ Сб. РИО. Т.101. С.444.

¹²⁵ См.: РГАДА. Ф.3. Оп.1. № 4. Л.40.

¹²⁶ См.: *Протасов Г.А.* Верховный Тайный совет и его проекты 1730 года. С.88-95. Подлинник см.: РГАДА. Ф.3. Оп.1. № 4. Л.42-43.

¹²⁷ Там же.

¹²⁸ Там же.

¹²⁹ Сб. РИО. Т.15. С.411,414; Т.5. С.358; Т.75. С.498.

¹³⁰ См.: *Плотников А.Б.* Программный документ Верховного Тайного совета в 1730 г. С.47-48; *Протасов Г.А.* Верховный Тайный совет и его проекты 1730 года. С.99-101.

¹³¹ См.: Сб. РИО. Т.101. С.457-522; РГАДА. Ф.3. Оп.1. № 5. Л.59-64.

¹³² См.: Сб. РИО. Т.5. С.358,360; Письма о России в Испанию... Кн.П. С.36.

¹³³ Сб. РИО. Т.5. С.367.

¹³⁴ См.: РГАДА. Ф.3. Оп.1. № 5. Л.64.

¹³⁵ См.: Сб. РИО. Т.101. С.407.

¹³⁶ См.: РГВИА. Ф.2584. Оп.1. № 82. Л.1-439 (прошения об отпуске солдат, сержантов и офицеров Семеновского полка по домашним обстоятельствам в 1730 г.).

¹³⁷ Там же. № 81. Л.12.

¹³⁸ Цит. по: *Dukes P., Meehan-Waters B.* Op. cit. P.178.

¹³⁹ См.: Сб. РИО. Т.5. С.355; Письма о России в Испанию... Кн.П. С.42.

¹⁴⁰ РГВИА. Ф.2583. Оп.1. № 154. Л.13,14,15-15 об.

¹⁴¹ См.: РГВИА. Ф.2584. Оп.1. № 81. Л.22 об.-23 об.

¹⁴² См.: Перевороты и войны. С.29,31; Гофмейстерины, статс-дамы и фрейлины русского двора XVIII и XIX вв. СПб., 1872. С.2; *Корсакова В.Д.* Дипломатические депеши датского посланника при русском дворе Вестфалена о воцарении императрицы Анны Иоанновны // РС. 1909. № 2. С.290.

¹⁴³ См.: РГАДА. Ф.16. Оп.1. № 101. Л.3 и далее.

¹⁴⁴ Сб. РИО. Т.5. С.360.

¹⁴⁵ См.: *Корсаков Д.А.* Указ. соч. С.265-266.

¹⁴⁶ «Если императрица сумеет хорошо войти в свое новое положение и послушается известных умных людей, то она возвратит себе в короткое время полное самодержавие, ибо русская нация, хотя много говорит о свободе, но не знает ее и не сумеет воспользоваться ею» (Сб. РИО. Т.15. С.414).

¹⁴⁷ См.: *Корсакова В.Д.* Дипломатические депеши датского посланника при русском дворе Вестфалена о воцарении императрицы Анны Иоанновны // РС. 1909. № 2. С.283; Сб. РИО. Т.75. С.466-467.

¹⁴⁸ См.: *Бестужев-Рюмин К.Н.* Указ. соч. С.8-10. По этому же списку издано в: *Корсаков Д.А.* Указ. соч. С.271-272.

¹⁴⁹ См.: РГАДА. Ф.3. Оп.1. № 5. Л.65.

¹⁵⁰ См.: Сб. РИО. Т.5. С.366,367-369; Т.75. С.503-504,512; Т.66. С.139,166-167; Письма о России в Испанию... Кн.П. С.53,55-56; *Корсакова В.Д.* Дипломатические депеши датского посланника при русском дворе Вестфалена о воцарении императрицы Анны Иоанновны // РС. 1909. № 2. С.287, 290-291.

¹⁵¹ См.: Письма о России в Испанию... Кн.П. С.53.

¹⁵² См.: *Протасов Г.А.* Дворянские прошения 1730 г. // Источниковедческие работы. Тамбов, 1975. Вып.4. С.97; *Плотников А.Б.* Ограничение самодержавия в России. С.66-67.

¹⁵³ См.: Письма о России в Испанию... Кн. III. С. 53; Сб. РИО. Т. 75. С. 504. Примечательно, что не упоминавший специально о гвардейском выступлении Лефорт, как и де Лириа, подчеркивал присутствие офицеров гвардии и переполичинение Анной караула С.А.Салтыкову (см.: Сб. РИО. Т. 5. С. 366-368; Письма о России в Испанию... Кн. III. С. 55).

¹⁵⁴ С этим согласен Г.А.Протасов (см.: *Протасов Г.А.* Дворянские прошения 1730 г. С. 98).

¹⁵⁵ См.: *Корсаков Д.А.* Указ. соч. Приложение № 2. С. 252-263.

¹⁵⁶ Из подписавших первое прошение гвардейцев, по-видимому, не явились преображенские капитан С.Кишкин, поручик В.Бибииков и подпоручик Ф.Ушаков, а также семеновский майор С.А.Шепелев и капитан А.Усов. Во всяком случае, второе прошение они не подписывали.

¹⁵⁷ РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. № 219. Л. 159.

¹⁵⁸ Сб. РИО. Т. 5. С. 367; Т. 66. С. 153, 168. По сведениям де Лириа, именно Салтыков провозгласил императрицу самодержавной (см.: Письма о России в Испанию... Кн. III. С. 53).

¹⁵⁹ См.: *Бобрковский П.О.* История лейб-гвардии Преображенского полка. СПб., 1904. Т. 2. Приложение. С. 172.

¹⁶⁰ Позднее Остерман в специальной записке о пожалованиях отличившимся счел необходимым выделить Г.П.Чернышева, который «особливо радетьным показал» (РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. № 225. Л. 1).

¹⁶¹ РГАДА. Ф. 7. Оп. 1. № 449. Ч. 1. Л. 1 об., 12 об., 128.

¹⁶² См.: Там же. Ф. 248. Оп. 32. № 1998. Л. 66.

¹⁶³ См.: Там же. Ф. 3. Оп. 1. № 5. Л. 65 об., 66, 68.

¹⁶⁴ См.: Там же. № 7. Л. 1-76.

¹⁶⁵ См.: ПСЗ. Т. VIII. № 5509, 5517; Т. X. № 7158.

¹⁶⁶ Исполнять этот указ должен был Г.Д.Юсупов (см.: О роде князей Юсуповых. СПб., 1867. Ч. 2. С. 210-211). См. также: РГВИА. Ф. 2583. Оп. 1. № 152. Л. 1; Письма о России в Испанию... Кн. III. С. 58.

¹⁶⁷ См.: Опись высочайшим указам и повелениям, хранящимся в Санкт-Петербургском Сенатском архиве за XVIII век. Т. 2. С. 220; РГАДА. Ф. 248. Оп. 17. № 1084. Л. 10; Гофмейстерины, статс-дамы и фрейлины русского двора XVIII и XIX вв. С. 2.

¹⁶⁸ См.: Письма о России в Испанию... Кн. III. С. 63.

¹⁶⁹ Цит. по: *Корсакова В.Д.* Дипломатические депеши датского посланника при русском дворе Вестфалена о воцарении императрицы Анны Иоанновны // РС. 1909. № 3. С. 552.

¹⁷⁰ См.: АВПРИ. Ф. 13. Оп. 13/1. № 4. Л. 3-5.

¹⁷¹ См.: Там же. Л. 9-10, 12-13, 20-21.

¹⁷² См.: *Корсакова В.Д.* Дипломатические депеши датского посланника при русском дворе Вестфалена о воцарении императрицы Анны Иоанновны // РС. 1909. № 3. С. 549; *Кудрявцев А.* Книга записная имянным письмам и указам императрицы Анны Иоанновны и Елизаветы Петровны С.А.Салтыкову // ЧОИДР. 1878. Кн. 1. С. 2.

¹⁷³ См.: Высочайшие повеления по придворному ведомству (1701-1740). СПб., 1888. С. 99; Опись высочайшим указам и повелениям, хранящимся в Санкт-Петербургском Сенатском архиве за XVIII век. Т. 2. С. 224, 232; РГАДА. Ф. 1239. Оп. 3. Ч. 86. № 41985. Л. 37 об.

¹⁷⁴ См.: *Индова Е.И.* Дворцовое хозяйство в России (первая половина XVIII в.). М., 1964. С. 59.

¹⁷⁵ О раздачах вотчин, домов и дворов Долгоруковых см.: Сб. РИО. Т. 106. С. 364, 367, 446, 530; РГАДА. Ф. 1239. Оп. 3. № 35237. Л. 4-8.

¹⁷⁶ Цит. по: *Михневич В.О.* Две невесты Петра II // ИВ. 1898. № 2. С. 597.

¹⁷⁷ См.: РГАДА. Ф. 248. Оп. 17. № 1084. Л. 27-113.

¹⁷⁸ См.: Там же. Ф. 20. Оп. 1. № 61. Л. 15-26, 40-44, 119-120.

¹⁷⁹ См.: РГАДА. Ф. 1239. Оп. 3. Ч. 90. № 45502. Л. 6 об.; РГВИА Ф. 2583. Оп. 1. № 154. Л. 22; Ф. 2584. Оп. 1. № 82. Л. 11-400.

¹⁸⁰ См.: РГАДА. Ф. 1239. Оп. 3. Ч. 65. № 30693. Л. 98-100.

¹⁸¹ См.: *Kivelson V.* Op. cit. P. 21-22.

¹⁸² См.: *Корсаков Д.А.* Указ. соч. Приложение № 2. С. 62. Ср.: РГВИА. Ф. 2583. Оп. 1. № 163. Л. 4.

ГЛАВА VI

БИРОНОВЩИНА, ИЛИ «ПОРЯДОЧНОЕ УПРАВЛЕНИЕ»

Хотя трепетал весь двор, хотя не было ни единого вельможи, который бы от злобы Бирона не ждал себе несчастья, но народ был порядочно управляем. Не был отягощен налогами, законы издавались ясны, а исполнялись в точности...

М.М.Щербатов

Становление новой власти

Аннинский режим получил у потомков имя «бионовщины» и нелестную оценку времени «немецкого засилья», утвердившуюся в науке примерно с середины XIX в. не без помощи исторической беллетристики.¹ Это влияние оказалось весьма прочным, хотя изучавшие времена Анны историки начиная еще с 70-х гг. XIX века указывали, что созданный поэтами и романистами образ эпохи не соответствует действительности, что управляли государственными делами совсем не «немцы», которые к тому же не представляли какой-то сплоченной «немецкой партии», и т.д.² Тем не менее до сих пор в научных трудах и учебниках можно встретить все те же утверждения о «засилье иноземцев» и кровавом терроре.³

В нашу задачу не входит участие в этом споре; хотя изучение роли и создание научных биографий таких фигур, как Б.-Х.Миних или А.И.Остерман, является вполне назревшей проблемой при изучении российской истории XVIII столетия. Нас интересует прежде всего сам процесс создания при Анне Иоанновне относительно устойчивой политической структуры после серии переворотов 1725–1730 гг.⁴

«Восстановление» Сената стало определенным компромиссом между новой императрицей и ее ближайшего окружения и генералитетом. В Сенат вместе с бывшими членами Верховного Тайного совета вошли прежние сенаторы (В.Я.Новосильцев, И.Г.Головкин, А.М.Черкасский) и группа генералов – Г.П.Чернышев, Г.Д.Юсупов, А.И.Ушаков, А.И.Шаховской, С.И.Сукин, А.И.Тараканов, И.Ф.Барятинский, Г.А.Урусов. Последние, очевидно, были обязаны назначением Остерману. Сохранился его док-